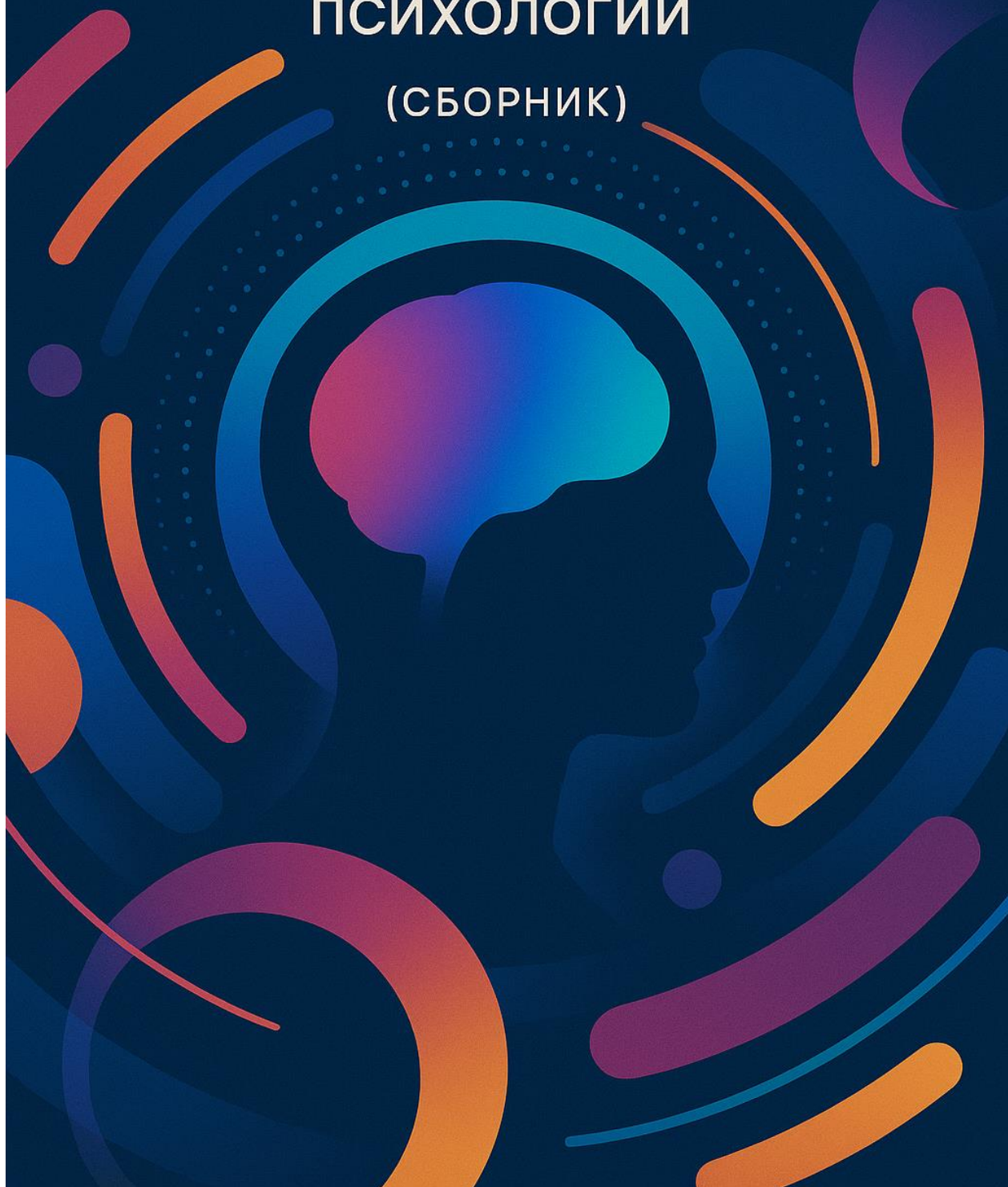

ДИАЛОГИ

35 ВОПРОСОВ О БУДУЩЕМ
ПСИХОЛОГИИ

(СБОРНИК)

**ДИАЛОГИ:
35 ВОПРОСОВ О БУДУЩЕМ
ПСИХОЛОГИИ
(СБОРНИК)**

Нью-Йорк, 2025

Сборник представляет собой исследовательско-публицистическую работу, основанную на интервью, мнениях и аналитических рассуждениях известных теоретиков и практиков психологической науки из России, Белоруссии, Казахстана и Узбекистана.

ДИАЛОГИ: 35 ВОПРОСОВ О БУДУЩЕМ ПСИХОЛОГИИ

Copyright © 2025

Редакторы: Козлов В.В., Балгимбаева З.М.

СОДЕРЖАНИЕ

От редакторов	1
Благодарность авторам	3
Глава 1. Социальные изменения и вызовы	4
Глава 2. Образование и подготовка специалистов	27
Глава 3. Этика и границы профессии	39
Глава 4. Технологии и цифровая эпоха	44
Глава 5. Индивидуальное, коллективное и системное	49
Глава 6. Будущее психологической науки	64
Глава 7. Глубокие вопросы и рефлексия	71
Послесловие	79

ОТ РЕДАКТОРОВ

Современная психология стоит на пороге новой эпохи - эпохи переосмысления человека, его внутреннего мира и роли сознания в быстро меняющемся мире. Ещё никогда общество не переживало столь стремительных технологических, социальных и культурных трансформаций, которые так глубоко затрагивают психику личности. Искусственный интеллект, виртуальная реальность, биотехнологии и цифровая коммуникация — всё это не просто меняет наш быт, но и формирует новые способы мышления, восприятия и взаимодействия.

Перед психологической наукой встают вопросы, которые невозможно решить в рамках старых парадигм. Как изменится представление о личности, если её границы размываются цифровыми идентичностями? Что произойдёт с понятием эмоций и эмпатии в эпоху алгоритмов? И какую роль сохранит гуманистическая психология, когда человек становится объектом не только познания, но и программирования?

Проект «Диалоги: 35 вопросов о будущем психологии» задуман как открытый диалог между поколениями, школами, подходами и мировоззрениями. Его цель - не дать окончательные ответы, а обозначить направления поиска, выявить тенденции и показать, что психология остаётся живой, развивающейся и глубоко человеческой наукой.

Мы обращаемся к ведущим исследователям-психологам России, Белоруссии, Казахстана и Узбекистана с вопросами, которые касаются не только будущего профессии, но и будущего самого человека. Их размышления - это не просто прогнозы, а ориентиры, помогающие понять, куда движется современное знание о душе, сознании и поведении. Этот проект - приглашение к размышлению. О мире, в котором технологии стремительно опережают

чувства. О человеке, который ищет себя среди машин и сетей. И о науке, которая по-прежнему остается искусством понимать другого.

БЛАГОДАРНОСТЬ АВТОРАМ

Сборник создан усилиями многих психологов-профессионалов, чья совместная работа сделала его цельным и содержательным. Благодаря вашей душевной щедрости, а также талантам, идеям и времени мы получили этот бесценный совместный труд. Благодарим, дорогие коллеги, за весомый вклад в общее дело и плодотворное сотрудничество!

ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ВЫЗОВЫ

На важные вопросы, касающиеся современной психологии в период социальных изменений и вызовов, мы попросили ответить Сергея Леонидовича Ленькова и Надежду Евгеньевну Рубцову.

Сергей Леонидович Леньков - доктор психологических наук, профессор ФГБУ «Российская академия образования», главный аналитик отдела координации научных исследований и подготовки кадров высшей квалификации

Рубцова Надежда Евгеньевна - и доктор психологических наук, профессор кафедры общей психологии и психологии труда АНО ВО «Российский университет».

Вопрос 1. Как психология адаптируется к многообразию идентичностей и культур?

С.Л. Леньков: Анализ научных работ позволяет выявить несколько важных направлений, в которых современная психология адаптируется к растущему многообразию идентичностей и культур, причем это многообразие все чаще формируется и усложняется под влиянием цифровой среды.

Прежде всего, психология осуществляет переход от унитарной модели личности к множественной и сетевой модели идентичности. Как было показано выше, при анализе новых психических расстройств, современная цифровая среда приводит к формированию множественной и сетевой модели идентичности, что требует от психологии адаптации методов работы.

Классические теории, предполагающие более или менее единое и стабильное «Я», уступают место пониманию идентичности как динамической, множественной и контекстуально-обусловленной системы.

Н.Е. Рубцова: В своей монографии «Психология личности в киберпространстве», я пишу о том, что жизнь в цифровую эпоху приводит к формированию «диссоциации идентичности» – не в клиническом, а в социально-психологическом смысле. Личность существует как набор различных онлайн-ролей и аватаров (профессиональный профиль, пользователь систем ИИ, анонимный блогер, игровой персонаж и т. д.), которые могут слабо соотноситься друг с другом. Психология признает эту новую реальность и адаптирует свои методы, смещая фокус с поиска одной истинной идентичности на помощь человеку в осознанном управлении этими модальностями «Я», в выстраивании между его различными проявлениями хотя бы минимальной связности и непротиворечивости, предотвращающей личностную дезинтеграцию [Рубцова, Н.Е. Психология личности в киберпространстве: монография / Н.Е. Рубцова, С. Л. Ленков. Тверь: Печатница, 2025. - 102 с.].

Во-вторых, психология развивает культурно-сенситивные подходы к цифровым сообществам, признавая их особыми социально-культурными мирами. Работа Е.Ю. Патяевой показывает, что сетевые сообщества – это не просто группы людей, а целостные социальные реальности, которые порождают собственные смыслы, ценности, языки и нормы поведения

(субкультуры геймеров, IT-специалистов, правозащитников и т.д.). Этот процесс находит свое теоретическое осмысление в рамках интегративного подхода к этнопсихологическому субъекту, который, как показано в работе З.М. Балгимбаевой и В.В. Козлова, представляет собой сложную, открытую систему, формирующуюся в том числе и через разделяемые группой смыслы и ценности [Балгимбаева, З.М. Интегративная парадигма: к проблеме этнопсихологического субъекта / З.М. Балгимбаева, В.В. Козлов // Человеческий фактор: Социальный психолог, 2023. - № 2(46). - С. 5-18.].

С.Л. Ленъков: Согласен с Вами. Психология учится работать с этой «внутренней культурой» сообществ. Например, понимание механизмов «групповой поляризации» помогает объяснить, как внутри замкнутых сообществ формируются радикальные формы идентичности и специфические картины мира. Это требует от психолога роли исследователя цифровой среды, который способен понять внутреннюю логику и ценности того или иного сетевого сообщества, чтобы выстраивать с его представителями эффективную коммуникацию и оказывать адекватную помощь [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. - Том 3. - № 2 (10) - С. 74-109.].

Хотелось бы отметить и третий момент. Происходит адаптация диагностического и коммуникативного инструментария к новым реалиям. Исследования ученых демонстрируют, как психология изучает специфику межличностного восприятия в условиях текстовой коммуникации, лишенной невербальных сигналов. Понимание того, как в разных цифровых субкультурах используются определенные слова, эмодзи, мемы и стили общения для выражения эмоций и построения идентичности, становится необходимым для правильной диагностики и консультирования. Психология

разрабатывает методы, позволяющие корректно «считывать» эмоциональное состояние и личностные особенности человека через призму его уникального цифрового дискурса, что является прямым откликом на многообразие коммуникативных культур [Сысоева, Т. А. Признаки и приемы, используемые для определения настроения собеседника при текстовой коммуникации в мессенджерах. / Т. А. Сысоева, К. В. Красницкая // Психологические исследования. 2024. - Т. 17, № 98. - С. 6.-17. URL: <https://psystudy.ru>].

Н.Е. Рубцова: Нельзя не отметить еще и четвертый аспект. Психология начинает учитывать формирование нового типа культурной идентичности – «кибернетической», возникающей на стыке взаимодействия человека и искусственного интеллекта. Работы исследователей указывают на то, что в зоне взаимодействия с ИИ формируются новые паттерны поведения и самоощущения.

С.Л. Леньков: Совершенно согласен с Вами. Разработанный нами опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» является примером того, как психология пытается измерить и описать эту новую грань человеческой идентичности – степень интеграции технологий в идентичность человека. Это может проявляться в идентификации себя как «цифрового кочевника», «промт-инженера», «метавселенского жителя», «киберспортсмена» или, напротив, в ощущении себя «жертвой технологий».

Психология признает, что культурное и идентичностное многообразие теперь включает в себя и измерение «человек-машина», и разрабатывает подходы к работе с вызванными этим кризисами, такими как «кибертравма» или эмоциональная зависимость от ИИ [Леньков, С.Л. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова, Е.С. Низамова // Ярославский педагогический вестник, 2025. - № 1(142). - С.179-196. – DOI 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179; Леньков, С.Л. Психология взаимодействия

с искусственным интеллектом: тенденции, проблемы и перспективы / С.Л. Ленъков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.].

Наконец, психология адаптируется через признание принципиальной неопределенности и сложности как нормы. В исследовании, посвященном ментальным моделям, косвенно указывается на важный аспект: в сложной, многокультурной и цифровой среде невозможно создать единую, универсальную модель для предсказания поведения человека. Это согласуется с «принципом несовместимости» Л. Заде, на который ссылаются авторы – чем сложнее система, тем менее точным может быть ее описание.

Н.Е. Рубцова: Да. Современная психология все чаще отказывается от жестких нормативных моделей в пользу гибких, нарративных и контекстуальных подходов, которые позволяют работать с уникальностью каждой личности и ее культурного, в том числе цифрового, контекста, не пытаясь подогнать ее под жесткие рамки устаревших категорий [Журавлев, А.Д. Текущее состояние изучения ментальных моделей пользователя компьютерных систем. Психологические исследования, 2024.- Т. 17. - № 97. - С. 1-13.; Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10) - С. 74-109.; Рубцова, Н.Е. История цифровой психологии в нарративах исследователей /Н.Е. Рубцова, С.Л. Ленъков // Интеграция в психологии: Теория, методология, практика : Сборник статей VIII Всероссийской конференции с международным участием, Ярославль, 01 июня 2025 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2025. - С. 56-62.].

Таким образом, адаптация психологии к многообразию идентичностей и культур происходит по нескольким направлениям: через принятие

множественности и сетевой природы идентичности, через развитие культурной чувствительности к цифровым сообществам, через совершенствование инструментария для работы с новыми формами коммуникации, через учет кибернетического измерения идентичности и через методологический поворот к признанию сложности и неопределённости как основы для понимания современного человека.

Вопрос 2. Как будет меняться роль психолога в условиях глобальных кризисов?

С.Л. Леньков: Я бы выделил несколько ключевых векторов изменения роли психолога в условиях нарастающих глобальных кризисов, будь то технологические вызовы, социальная поляризация или психологические последствия жизни в цифровой среде. Эти изменения предполагают смещение от классической кабинетной работы к более сложной и системной роли психолога.

Первый вектор - от психолога-консультанта, работающего с запросами отдельного человека, – к проектировщику социально-психологически устойчивой среды.

Роль психолога расширяется и смещается с уровня отдельного индивида на уровень групп, организаций и цифровых сообществ.

Н.Е. Рубцова: Да. Современные кризисы, такие как информационная перегрузка и групповая поляризация, носят системный характер. Психолог должен уметь работать не только с последствиями этих кризисов у отдельного человека, но и создавать превентивные системы, повышающие коллективную психологическую компетентность. Это включает в себя разработку тренинговых программ, направленных на развитие навыков управления вниманием, формирования практик контроля психологических границ в

цифровой среде и обучения методам критического мышления для противодействия дезинформации.

Таким образом, психолог становится проектировщиком психологически безопасной цифровой среды, который проектирует более здоровую психологическую среду внутри цифровых и профессиональных сообществ, вместо того чтобы ограничиваться работой с уже возникшими последствиями ее неблагополучия на индивидуальном уровне [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.].

С.Л. Леньков: Второй вектор - от работы с человеческой психикой к посредничеству в системе «человек-искусственный интеллект». Появились научные статьи, где отмечается появление принципиально нового поля деятельности. Психолог будущего должен будет выступать в роли медиатора и интегратора во взаимодействии между человеком и искусственного интеллекта, что предполагает несколько новых функций:

- Диагностика и коррекция техностресса: Помощь в преодолении когнитивного диссонанса и фрустрации, вызванных несовместимостью ментальных моделей человека и логики алгоритмов [Журавлев, А.Д. Текущее состояние изучения ментальных моделей пользователя компьютерных систем. Психологические исследования, 2024.- Т. 17. - № 97. - С. 1-13.].

- Профилактика киберзависимостей: Разработка критериев и методов работы со сверхвовлеченностью в технологии и эмоциональной зависимостью от искусственного интеллекта (ИИ), для чего, в частности, был создан опросник [Леньков, С.Л. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова, Е.С. Низамова //

Ярославский педагогический вестник, 2025. - № 1(142). - С.179-196. – DOI 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179.].

- Консультирование по этическим и психологическим аспектам внедрения ИИ: Психолог будет необходимым участником команд, разрабатывающих ИИ, чтобы обеспечить учет человеческого фактора, предотвратить дискриминацию алгоритмов и минимизировать психологический ущерб от их использования [Леньков, С.Л. Психология взаимодействия с искусственным интеллектом: тенденции, проблемы и перспективы / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно- практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.].

Н.Е. Рубцова: Я бы выделила еще один вектор - от реактивной помощи к проактивному прогнозированию и разработке адаптивных стратегий. В условиях быстро меняющегося мира психолог не может ограничиваться работой с уже наступившими последствиями кризисов. В ряде работ подчеркивают, что специалист должен обладать компетенциями для прогнозирования психологических тенденций.

Это включает анализ того, как новые технологии будут влиять на коммуникацию, идентичность и социальное поведение. Психолог превращается в системного аналитика и стратега, который участвует в формировании образовательных программ, корпоративных политик и общественных инициатив, направленных на укрепление психического здоровья нации в долгосрочной перспективе, а не только на решение текущих проблем [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10) - С. 74-109.; Рубцова, Н.Е. Психология личности в киберпространстве : монография / Н.Е. Рубцова, С.Л. Леньков. Тверь : Печатница, 2025а. - 102 с.].

С.Л. Ленъков: Четвертый немаловажный вектор - от универсальных методик к контекстуально-ориентированным интервенциям для цифровой среды. Исследование Т.А. Сысоевой и К.В. Красницкой наглядно демонстрирует, что коммуникация в цифровую эпоху обладает собственной спецификой. Психолог должен глубоко понимать законы сетевого дискурса, особенности текстовой коммуникации в мессенджерах, механизмы кибербуллинга и социального усиления. Это требует разработки новых, адекватных контексту методов диагностики и помощи. Например, консультации могут все чаще проходить в онлайн-формате, а методы работы должны быть адаптированы для помощи при «дискурсивной усталости» или кризисе идентичности, вызванном жизнью в сети. Роль психолога заключается в том, чтобы выступать медиатором между внутренним миром клиента и внешней цифровой средой, обеспечивая их гармоничную интеграцию [Сысоева, Т.А. Признаки и приемы, используемые для определения настроения собеседника при текстовой коммуникации в мессенджерах. / Т.А. Сысоева, К. В. Красницкая // Психологические исследования, 2024. - Т. 17, № 98. - С. 6.-17. URL: <https://psystudy.ru>].

Н.Е. Рубцова: нельзя забывать и о векторе, связанным с движением от узкой специализации к междисциплинарному сотрудничеству. Решение глобальных проблем невозможно в рамках одной дисциплины.

Психолог будущего будет вынужден активно сотрудничать с IT-специалистами, социологами, эргономистами, философами, филологами, биологами и другими специалистами. Как показывают современные исследования, будь то вопросы взаимодействия с ИИ или управления сетевыми сообществами, психологические знания становятся критически важным элементом в научных проектах. Психолог обеспечивает гуманитарную экспертизу технологий, предотвращая потенциальный ущерб для психического здоровья пользователей.

Таким образом, в условиях глобальных кризисов роль психолога кардинально меняется. Если раньше он работал в основном с отдельными людьми в предсказуемых условиях, то теперь становится уникальным специалистом, способным действовать на опережение. В его задачи теперь входит: прогнозировать психологические последствия изменений, создавать здоровую среду в цифровых и профессиональных сообществах, помогать людям адаптироваться к технологиям, разрабатывать новые методы помощи, учитывающие особенности цифровой эпохи.

С.Л. Леньков: Таким образом, главная миссия психолога смещается с лечения нарушений на активное формирование психологической устойчивости – как на уровне отдельного человека, так и целых сообществ – перед лицом неопределенного будущего.

Вопрос 3. Что психология может предложить в эпоху одиночества, тревожности и нестабильности?

Н.Е. Рубцова: Анализ научных работ раскрывает ключевые ответы современной психологии на вызовы эпохи одиночества, тревожности и нестабильности.

Психология предлагает не просто методы терапии, а системный подход, направленный на развитие новых компетенций, проектирование социальной среды и осмысленную интеграцию технологий в жизнь человека.

Прежде всего, психология помогает человеку перейти из роли клиента в активного участника. Как убедительно объясняют специалисты, современная реальность требует от «человека сетевого» развития конкретных навыков саморегуляции. В ответ на тревожность и нестабильность, порождаемые непрерывным информационным потоком, психология предлагает концепцию управления вниманием. Это умение сознательно выстраивать внутренние

фильтры, отсеивать деструктивный контент и управлять своим фокусом в условиях цифрового шума. Для борьбы с одиночеством и социальной разобщенностью необходимо сотрудничество – развитие способности к конструктивному взаимодействию, инициации коллективных действий и поддержке в сетевых сообществах, что превращает абстрактное чувство включенности в реальные социальные навыки [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.].

С.Л. Леньков: Вторым ключевым предложением является переосмысление социальных связей и сообществ. Психология признает, что цифровая среда является не только источником проблем, но и мощным ресурсом, направленным на улучшение качества дистантной коммуникации. Психологи учат распознавать эмоциональные состояния по тексту, тем самым снижая риски непонимания и усиления одиночества в мессенджерах. Более того, сетевые сообщества могут действовать как «социальные усилители» не только негатива, но и поддержки. Психология может способствовать созданию и сопровождению сетевых групп взаимопомощи для людей, переживающих сходные кризисы (например, потерю работы, хроническое заболевание, экзистенциальную тревогу), преобразуя виртуальное пространство из территории отчуждения в пространство общности и разделенного опыта [Сысоева, Т.А. Признаки и приемы, используемые для определения настроения собеседника при текстовой коммуникации в мессенджерах. / Т.А. Сысоева, К.В. Красницкая // Психологические исследования, 2024. - Т. 17, № 98. - С. 6.-17. URL: <https://psystudy.ru>; Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.].

Н.Е. Рубцова: Я бы выделила еще один важный аспект – выработку новой психологической культуры взаимодействия с технологиями. В научной литературе отмечается, что системы ИИ и цифровые среды становятся неотъемлемой частью социального пространства.

Психология предлагает инструменты для минимизации вреда и увеличения пользы от этого взаимодействия.

С.Л. Леньков: Да. Разработанный нами опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» позволяет диагностировать риск развития аддикций и эмоциональной зависимости от алгоритмов, что является прямой помощью в борьбе с одним из современных форм одиночества – замещением человеческих отношений технологическими моделями. Параллельно психология активно исследует возможности применения искусственного интеллекта для поддержки психического здоровья, включая разработку чат-ботов для первичного психологического консультирования и систем мониторинга стрессовых состояний [Леньков, С.Л. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства / С.Л. Леньков, Н. Е. Рубцова, Е.С. Низамова // Ярославский педагогический вестник, 2025. - № 1(142). - С.179-196. – DOI 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179; Леньков, С.Л. Психология взаимодействия с искусственным интеллектом: тенденции, проблемы и перспективы / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.].

Н.Е. Рубцова: Нельзя забывать и о преодолении кризиса идентичности и обретении внутренней опоры. Это может выступить четвертым предложением. В условиях нестабильности распадаются традиционные опоры личности и возникает проблема размывания идентичности в цифровой среде. В ответ психология актуализирует экзистенциально-гуманистический подход, помогая

человеку построить целостное «Я» поверх множественных онлайн-масок, научиться возвращаться к себе вопреки давлению внешних информационных потоков.

Это включает в себя развитие способности к глубокой рефлексии, творчеству и нахождению смысла в быстро меняющемся мире, что помогает преодолеть как тревожность, так и одиночество [Рубцова, Н.Е. Психология личности в киберпространстве : монография / Н.Е. Рубцова, С.Л. Ленков. Тверь : Печатница, 2025. - 102 с.].

С.Л. Ленков: Сегодня психология работает и над снижением когнитивной нагрузки и техностресса. Исследование А.Д. Журавлева посвящено ментальным моделям пользователя [Журавлев, А.Д. Текущее состояние изучения ментальных моделей пользователя компьютерных систем. Психологические исследования, 2024. - Т. 17. - № 97. - С. 1-13.]. Невозможность понять логику сложных систем (от интерфейсов до алгоритмов соцсетей) рождает чувство беспомощности и тревоги. Психология, сотрудничая с дизайнерами и инженерами, может способствовать созданию более интуитивных и человеко-ориентированных интерфейсов, тем самым снижая уровень фрустрации и восстанавливая у человека чувство контроля над цифровой средой. Таким образом, в эпоху одиночества, тревожности и нестабильности психология предлагает интегративную модель, включающую развитие личной компетентности, преобразование цифровой среды в ресурс поддержки, этичное и осознанное использование технологий, укрепление внутреннего стержня личности и гуманизацию взаимодействия человека с техносферой.

Н.Е. Рубцова: Резюмируя, можно сказать, что психология становится не просто инструментом кризисной интервенции, выходя за рамки реактивной поддержки, но и проводником в построении более осмысленной и устойчивой жизни в условиях перманентных изменений.

Вопрос 4. Влияет ли деградация критического мышления на массовую психику, и как с этим быть?

С.Л. Леньков: Обзор современных работ по искусственному интеллекту позволяет дать утвердительный ответ на вопрос о влиянии ослабления критического мышления на массовую психику и выявить конкретные механизмы этого влияния, а также наметить пути противодействия данной тенденции.

Ослабление критического мышления не просто влияет на массовую психику, а становится системообразующим фактором, формирующим новые социально-психологические реалии. Прежде всего, оно напрямую связано с феноменом группового давления и конформизма в сетевых сообществах,

Когда критическое мышление ослабевает, то человек теряет способность анализировать информацию независимо и становится крайне восприимчивым к влиянию группы. Сетевые сообщества, объединяющие людей со схожими взглядами, действуют как «социальные усилители» (по выражению психолога Д. Майерса). Внутри таких сообществ первоначальные установки не просто укрепляются, а доводятся до крайней степени, формируя ригидные, радикальные мировоззренческие системы. Это порождает массовую психику, характеризующуюся черно-белым мышлением, нетерпимостью к инакомыслию и восприятием любой контраргументации как враждебной. Отсутствие критической рефлексии приводит к тому, что человек добровольно замыкается в информационном пузыре, что усиливает социальную разобщенность и паранойяльные настроения в обществе. Далее, деградация критического мышления проявляется в неспособности противостоять информационной перегрузке и манипуляциям, что ведет к хронической тревожности и психическому истощению.

Н.Е. Рубцова: Есть исследования, в которых анализируется понятие «грамотности внимания» как фундаментального навыка для жизни в сети (Г. Рейнголд, Е.Ю. Патяева). Когда этот навык, тесно связанный с критическим мышлением, не развит, человек оказывается «затоплен» непрерывным потоком информации, не способным отделить существенное от второстепенного, достоверное от ложного. Это состояние, которое драматург Р. Форман называет «ошалелостью», характеризуется импульсивностью, поверхностностью суждений и утратой способности к долгосрочному планированию и глубокой рефлексии. Массовая психика приобретает черты рассеянной, фрагментированной и реактивной, теряя способность к устойчивой концентрации и смыслопорождению [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.].

С.Л. Леньков: Соглашусь с Вами, коллега. Особую остроту эта проблема приобретает в контексте взаимодействия с искусственным интеллектом. Ряд авторов показывают, что некритичное взаимодействие с ИИ порождает специфические риски. Во-первых, это риск слепого доверия к алгоритмическим рекомендациям и решениям, которые могут быть предвзятыми или манипулятивными. Во-вторых, рассогласование между ментальными моделями пользователя и логикой работы ИИ вызывает хронический когнитивный диссонанс и техностресс. При отсутствии критического мышления человек не может ни понять логику системы, ни конструктивно оспорить ее решения, что приводит к чувству беспомощности, фрустрации и росту тревожности. В наиболее тяжелой форме это может вылиться в эмоциональный шок от столкновения с нечеловеческой природой ИИ [Леньков, С.Л. Психология взаимодействия с искусственным интеллектом: тенденции,

проблемы и перспективы / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.; Журавлев, А.Д. Текущее состояние изучения ментальных моделей пользователя компьютерных систем. Психологические исследования. 2024. - Т. 17. - № 97. - С. 1-13.].

Кроме того, деградация критического мышления усугубляет коммуникационные трудности. В текстовой коммуникации, лишенной невербальных сигналов, способность критически оценивать контекст, иронию и скрытые смыслы становится необходимой. Ее отсутствие ведет к учащению конфликтов, непониманию и росту подозрительности в массовой коммуникации, что еще больше накаляет социальную атмосферу [Сысоева, Т.А. Признаки и приемы, используемые для определения настроения собеседника при текстовой коммуникации в мессенджерах. / Т.А. Сысоева, К.В. Красницкая // Психологические исследования. 2024. Т. 17. - № 98. - С. 6.-17. URL: <https://psystudy.ru>].

Н.Е. Рубцова: В нашей с Вами статье «История цифровой психологии в нарративах исследователей», коллега, мы показали, что осознание этих рисков и поиск решений являются закономерным этапом развития психологической науки, которая адаптируется к вызовам цифровой эпохи [Рубцова, Н.Е. История цифровой психологии в нарративах исследователей /Н.Е. Рубцова, С.Л. Леньков // Интеграция в психологии: Теория, методология, практика : Сборник статей VIII Всероссийской конференции с международным участием, Ярославль, 01 июня 2025 года. – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д.Ушинского, 2025. - С. 56-62.].

Уже сегодня психология для противодействия этой тенденции предлагает целый ряд мер, которые носят системный и превентивный характер.

Это целенаправленное развитие психологической компетентности « сетевого человека». Основным элементом этой компетентности является

«грамотность внимания» (умение управлять фокусом сознания) и «умение выявлять обман» (критическая оценка достоверности информации). Это предполагает создание специальных тренинговых программ, обучающих людей сознательно выстраивать внутренние фильтры и практиковать осознанное потребление информации [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.].

Кроме того, необходимо создание образовательных ресурсов и просветительских программ, разъясняющих механизмы групповой поляризации, действия социальных усилителей и природы манипуляций в сети. Осведомленность об этих процессах сама по себе является мощным инструментом критического мышления.

С.Л. Леньков: Нельзя забывать и о развитии «сетевой осведомленности» и грамотности взаимодействия с ИИ. Как следует из проведенного нами интервью, необходимо учить людей понимать принципы работы алгоритмов, осознавать пределы их компетентности и потенциальные риски. Разработанный опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» может служить инструментом самодиагностики, помогающим человеку осознать степень своей зависимости и некритичного доверия к технологиям [Леньков, С.Л. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова, Е.С. Низамова // Ярославский педагогический вестник, 2025. - № 1(142). - С.179-196. – DOI 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179.].

Большое значение имеет и стимулирование участия в разнородных сетевых сообществах. Чтобы избежать замыкания в информационном пузыре

предлагается стратегия осознанного регулирования своего членства в сообществах.

Вхождение в группы с разными, а иногда и противоположными взглядами, является мощным упражнением для критического мышления, заставляющим сталкиваться с альтернативными точками зрения и подвергать рефлексии собственную позицию. Этот процесс находит теоретическое обоснование в интегративной парадигме этнопсихологического субъекта, где целостность личности рассматривается как динамическая система, обогащающаяся через интеграцию разнородного социального опыта [Балгимбаева, З.М. Интегративная парадигма: к проблеме этнопсихологического субъекта / З. М. Балгимбаева, В. В. Козлов // Человеческий фактор: Социальный психолог, 2023. - № 2(46). - С. 5-18.].

Н.Е. Рубцова: Также является важным культивирование навыков «глубокого мышления» и возвращения к себе. Противовесом фрагментации сознания является целенаправленное отключение от цифрового шума для сосредоточенного размышления. Психология может предложить техники временного «отключения» от цифровой среды и тренировки навыка управления вниманием, помогающие человеку восстановить контакт с собственным внутренним опытом и противостоять давлению сиюминутности.

Таким образом, ослабление критического мышления оказывает глубокое деструктивное воздействие на массовую психику, способствуя поляризации, тревожности и манипулятивности. Ответом психологии является не просто констатация проблемы, а активное проектирование образовательных, просветительских и терапевтических интервенций, направленных на развитие конкретных когнитивных и психологических компетенций, необходимых для сохранения психического здоровья и здравомыслия в цифровую эпоху.

Вопрос 5. Какие новые психические расстройства принесет современная цивилизация?

Н.Е. Рубцова: Современная цифровая среда обуславливает системные изменения психической организации, формируя специфические симптомокомплексы и дезадаптивные паттерны регуляции. В контексте психологической науки это проявляется через следующие феномены. Наблюдается растущая дезинтеграция идентичности, характеризующаяся нарушением целостности Я-концепции, что приводит к формированию ситуативных, фрагментарных и зачастую противоречивых саморепрезентаций. Этот процесс сопровождается явлениями метакогнитивной дезинтеграции – нарушением интегративных процессов самосознания и рефлексивной функции, отвечающей за осмысление и связывание различных аспектов самости.

В когнитивной сфере отмечается синдром дефицита регуляторного (исполнительного) внимания с признаками хронической гиперактивности и когнитивной фрагментации, что находит выражение в нарушении иерархической организации познавательных процессов и дефиците произвольного управления вниманием.

Эмоционально-аффективная сфера характеризуется развитием хронического техностресса, обусловленного взаимодействием с нелинейными алгоритмическими системами. Это проявляется в состояниях хронической фрустрации, сенсомоторной тревоги и специфических форм когнитивного диссонанса, возникающего из-за рассогласования ментальных моделей пользователя и логики искусственного интеллекта.

В социально-психологической сфере наблюдается патологическая групповая поляризация с элементами ригидности мышления, приводящая к

формированию непластичных мировоззренческих установок и снижению толерантности к неопределенности.

Сейчас формируются новые парадигмы аддиктивного поведения, характеризующиеся эмоциональной зависимостью от искусственного интеллекта и нарушением механизмов социальной аттракции.

Анализ современных исследований позволяет выявить ряд основных направлений психологической дезадаптации, которые можно рассматривать как новые формы психических расстройств современности.

Во-первых, цифровая диссоциация и кризис идентичности проявляется в размывании границ собственного «Я» вследствие жизни в параллельных реальностях. Постоянное конструирование множественных онлайн-идентичностей создает ситуативно-ролевою размытость, при которой личность утрачивает целостность, превращаясь в набор ситуативных образов [Рубцова, Н.Е. Психология личности в киберпространстве: монография / Н.Е. Рубцова, С.Л. Леньков. Тверь : Печатница, 2025. - 102 с.]. Этот процесс, исторически прослеживаемый в становлении цифровой психологии, усугубляется взаимодействием с искусственным интеллектом, порождающим «кибертравму» – состояние когнитивного и эмоционального шока при осознании нечеловеческой природы собеседника [Леньков, С.Л. Психология взаимодействия с искусственным интеллектом: тенденции, проблемы и перспективы / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно- практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.; Рубцова, Н.Е. Психология личности в киберпространстве: монография / Н.Е. Рубцова, С.Л. Леньков. Тверь: Печатница, 2025. - 102 с.]. Этнопсихологический подход дополнительно раскрывает глубину данного кризиса, показывая, как цифровая среда разрушает традиционные механизмы формирования

этнопсихологического субъекта [Балгимбаева, З.М. Интегративная парадигма: к проблеме этнопсихологического субъекта / З. М. Балгимбаева, В. В. Козлов // Человеческий фактор: Социальный психолог. 2023. № 2(46). С. 5-18.].

С.Л. Леньков: Массовым явлением цифровой эпохи сегодня становятся и синдром дефицита «глубокого внимания» и коммуникационная перегрузка. Преобладание режима постоянной подключенности приводит к фрагментации сознания, импульсивности и утрате способности к долгосрочному планированию [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.]. Данное состояние, характеризующееся как «ошалелость», сопровождается хроническим когнитивным переутомлением и чувством потери контроля над собственной жизнью. Исследования коммуникации в мессенджерах выявляют феномен «дискурсивной усталости» – психического истощения от постоянной декодировки текстовых сообщений в условиях отсутствия невербальных сигналов [Сысоева, Т.А. Признаки и приемы, используемые для определения настроения собеседника при текстовой коммуникации в мессенджерах. / Т.А. Сысоева, К.В. Красницкая // Психологические исследования, 2024. - Т. 17. - № 98. - С. 6.-17. URL: <https://psystudy.ru>].

Кроме того, нельзя не упомянуть и о технострессе нового поколения, который возникает на основе фундаментальной несовместимости человеческой и машинной логики.

Рассогласование ментальных моделей пользователя с алгоритмической структурой искусственного интеллекта порождает хронический когнитивный диссонанс, фрустрацию и чувство профессиональной некомпетентности [Журавлев, А.Д. Текущее состояние изучения ментальных моделей пользователя компьютерных систем. Психологические исследования, 2024. - Т. 17. - № 97. - С. 1-13.]. Выявленный вид стресса отличается от традиционного информационного

напряжения, поскольку подрывает базовое чувство предсказуемости и контроля над технологической средой. Разработанные диагностические инструменты позволяют оценить степень риска развития этих состояний через измерение уровня вовлеченности в цифровую среду [Леньков, С.Л. Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова, Е.С. Низамова // Ярославский педагогический вестник, 2025. - № 1(142). -С.179-196. – DOI 10.20323/1813-145X-2025-1-142-179.].

Н.Е. Рубцова: Кроме того, возникает опасность патологической групповой поляризации и цифрового фанатизма, которые преобразуют интернет в мощный «социальный усилитель». Сетевые сообщества, объединяя людей со схожими взглядами, доводят их установки до крайней степени, формируя ригидные мировоззренческие системы [Патяева, Е.Ю. Интернет-сообщества как новая социальная реальность: психологические задачи «человека сетевого» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология, 2018. - Том 3. - № 2 (10). - С. 74-109.]. Это проявляется в тотальной нетерпимости к инакомыслию и восприятию любой контраргументации как враждебной. Указанный процесс усугубляет кризис идентичности, разрушая традиционные механизмы социальной и этнической интеграции, что находит отражение в трансформации этнопсихологического субъекта [Балгимбаева, З.М. Интегративная парадигма: к проблеме этнопсихологического субъекта / З. М. Балгимбаева, В. В. Козлов //Человеческий фактор: Социальный психолог, 2023. - № 2(46). - С. 5-18.].

С.Л. Леньков: Еще одной качественно новой формой зависимости, основанной на отношениях с нечеловеческим агентом, является аддикция к искусственному интеллекту. Эмоциональная привязанность к системам искусственного интеллекта, имитирующим эмпатию, приводит к добровольной социальной изоляции и патологическому искажению механизмов межличностных отношений [Леньков, С.Л. Психология взаимодействия

с искусственным интеллектом: тенденции, проблемы и перспективы / С.Л. Леньков, Н.Е. Рубцова // Современное состояние и перспективы развития психологии труда и организационной психологии : Материалы IV Международной научно-практической конференции, Москва, 17–18 октября 2024 года. – Москва: Институт психологии РАН, 2024. - С. 339-357.]. Формирующийся синдром эмоционального переноса на искусственный интеллект создает иллюзию безопасного общения, что в перспективе может привести к глубокой деградации социальных навыков.

Таким образом, современная цивилизация формирует новую «экологию психики», где системными вызовами становятся кризис целостности идентичности, фрагментация сознания, хронический техностресс, групповая поляризация и новые формы аддиктивного поведения. Эти взаимосвязанные процессы, исторически сформировавшиеся в контексте развития цифрового общества, требуют развития целостной психологической компетентности, направленной на сохранение аутентичности и критического мышления в условиях перманентной технологической трансформации.

ГЛАВА 2. ОБРАЗОВАНИЕ И ПОДГОТОВКА СПЕЦИАЛИСТОВ

О новых тенденциях в подготовке специалистов-психологов, а также о перспективах психологического образования беседуют Ахтаева Надия Селихановна, Крашенинникова Вероника Алексеевна и Балгимбаева Зульфия Махмутовна.

Ахтаева Надия Селихановна - доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби, академик Международной академии психологических наук

Крашенинникова Вероника Алексеевна – студентка 2-го курса отделения психологии, факультета философии и политологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби

Балгимбаева Зульфия Махмутовна - доктор психологических наук, психолог-консультант в Five Stars Childcare 2 (New York), академик Международной академии психологических наук

Вопрос 6. Какие компетенции станут обязательными для психолога будущего?

Ахтаева Н.С.: Известно, что каждые 20–25 рождается поколение людей, взгляды и убеждения которых сильно отличаются от предшествующего родительского поколения. Почему так происходит? Потому, что каждые 20–25 лет обновляется мир с его техническим прогрессом, взгляды на воспитание детей, экономика, политика, скорость и средства подачи информации и т. д. Будущим психологам предстоит работать с уже известными нам поколениями «Z» и «альфа». Как известно из публичной литературы, поколение «Z» (2000–2015 год) называют первым цифровым поколением с клиповым мышлением и поверхностной памятью. Они будто рождены с гаджетами в руках и воспитываются не столько родителями, сколько интернетом и соцсетями. Это креативные предприниматели и стартаперы, практичные и здравомыслящие, которые все делают в свое удовольствие или не делают вовсе. Их интересуют не только материальные блага, сколько поиск новых ощущений в жизни, с которыми они ранее знакомы не были.

Поколение «альфа» (2016 и позже)- поколение с ранним развитием и нестандартным мышлением, которое интересуется «взрослыми» и готово к диалогам, но не критике. Мы не знаем, каким будет это поколение, но им предстоит решать глобальные вопросы, которые мы не смогли решить, и работать по специальностям, которых пока не существует.

Итак, какие компетенции будут обязательными для психологов будущего?

- Опыт работы в педагогической деятельности в вузе.
- Профессионализм, эмпатия, честность.
- Межпредметные знания (педагогика, социология, философия и, конечно, же все отрасли психологии).

- Адаптивность, новаторство, толерантность, культура общения, навыки и средства межкультурной коммуникации, способность управлять собой, стрессоустойчивость, умение слышать и слушать.
- Цифровая грамотность, навыки работы с ИИ, гибкость, междисциплинарное мышление, критическое мышление.

Крашенинникова В.А.: Хотелось бы поддержать Надию Селихановну. Я тоже считаю, что в первую очередь очень важна академическая компетенция, так как психолог это в сути своей врач, а врач без базовых знаний анатомии — это угроза для людей.

Технически, данная компетенция необходима и сейчас, однако и в будущем она обязана быть основополагающей для специалистов.

Во-вторых, юридическая или этическая компетенция. В данном случае предпочитаю именно юридическую формулировку. Потому что этический кодекс – это, в первую очередь, хоть и не признанный законом (то есть, в случае нарушения не повлечет за собой прямого уголовного и/или административного наказания), но всё же документ, одобренный рядом профессионалов на практике. К тому же, пусть прямого отношения к закону подобные кодексы не имеют и соответственно юридически весомыми не являются, но их можно предъявить суде при определенных обстоятельствах (например, в случае профессиональной ошибки психолога, которая была предусмотрена в кодексе сообщества, в котором он состоит, что может привести к серьезным последствиям для клиентов).

Психолог должен знать и соблюдать кодекс своего сообщества во избежание причинения вреда для клиентов, причем важно отметить, что соблюдаться должны именно задокументированные этические кодексы. Психолог не должен руководствоваться личными взглядами, так как это потенциально слишком субъективное мерило, а также клиент должен иметь

возможность предъявить кодекс правоохранительным органам, в случае профессиональной ошибки психолога, в качестве доказательства.

В-третьих, мультивекторность или междисциплинарность. Психолог — это самостоятельная профессия, однако её специфика требует подкованности в ряде других дисциплин: социология, биология, химия, культурология, политология, педагогика. Психолог работает с людьми, которых окружают не только продукты из внутреннего мира, поэтому в идеале он должен ориентироваться в смежных науках или в большинстве наук касающихся непосредственно людей. Степень образованности в той или иной дисциплине может меняться в зависимости от специальности самого психолога (клиническая психология, социальная, политическая и т. д.).

Балгимбаева З.М.: Психолог будущего — это не просто консультант или исследователь. Это профессионал, способный мыслить системно, действовать этично и видеть человека в контексте современного мира. Он сочетает научную строгость с человечностью, технологическую гибкость с внутренней глубиной.

Для меня этот образ — не идеал, а направление развития. Мы уже живём в мире, где психолог должен быть не только специалистом, но и проводником осознанности, культурным медиатором и участником общественных изменений.

Я убеждена, что профессия психолога уже вступила в эпоху глубоких изменений. Современный специалист не может ограничиваться знанием классических школ — он должен быть гибким, осведомлённым и технологически подкованным.

Во-первых, цифровая компетентность становится обязательной частью профессии. Мы уже работаем в мире, где искусственный интеллект помогает проводить диагностику, VR-терапия используется для коррекции тревожных

расстройств, а консультирование всё чаще проходит онлайн. Психолог будущего должен уметь не просто пользоваться этими инструментами, но и понимать, как технологии влияют на психику человека.

Во-вторых, всё более востребованным становится интегративный подход. В современном мире клиент редко приходит с «чистой» проблемой. Это всегда совокупность личных, телесных, когнитивных и социальных факторов. Поэтому специалист должен уметь соединять различные направления — от когнитивной терапии до телесных и экзистенциальных практик, опираясь на научные данные, но сохраняя гуманистическое отношение к человеку.

Неотъемлемой частью профессионализма становится этическая зрелость. С развитием онлайн-психологии и хранением личных данных в цифровой среде психолог должен владеть нормами цифровой этики, понимать принципы безопасности и конфиденциальности.

Кроме того, психолог будущего должен быть междисциплинарным специалистом. Без понимания нейронаук, философии сознания, культурологии и социологии невозможно адекватно оценить глубину происходящих с человеком изменений.

Я считаю, что важнейшей компетенцией остаётся способность к саморефлексии: к честному взгляду на собственные установки, ограничения и профессиональные деформации. Только осознавая себя, психолог способен по-настоящему понимать других.

Вопрос 7. Должна ли меняться структура психологического образования?

Ахтаева Н.С.: В структуре психологического образования обязательно нужно изучение научных теорий. Практика, как известно, без науки слепа. Психолог должен знать международные современные подходы, школы и

направления, так как без их знания невозможны научные интерпретации полученных результатов в исследовании.

В будущей структуре психологического образования я вижу большой объем часов и на практико-ориентированные занятия (психодиагностику, методы психологических исследований, консультативную психологию, суицидологию, супервизию, психологический тренинг и т.д).

Крашенинникова В.А.: На данный момент процесс получения высшего образования по психологии является размытым и абстрактным. Студенты получают много научной информации, которая, несомненно, необходима, однако практически неприменима на практике. То есть, сейчас, больше всего пользы от обучения получают будущие психологи-учёные и исследователи. Однако специалисты практики получают достаточно скудный объем полезной информации. Эта информация, повторяюсь, несомненно, необходима, нельзя чтобы человек с образованием психолога не знал базовых терминологии, законов и теорий, но практического применения в сути своей не несёт. С одной стороны, это специфика психологии как науки в целом.

Будучи самой сложной наукой для измерения, все теоретические знания трудно применимые ровно настолько же, насколько трудно их вычислить. Т. е. для сравнения, физик изучил формулу, и он точно знает, что в случае чего, она точно сработает. Психолог узнал о периодизации развития ребёнка, и он гадает, какая из этих подобных периодизаций достойна наибольшего доверия. В связи с чем, полагаю, что структура психологического образования будет меняться исключительно в ходе развития самой психологии как науки.

Балгимбаева З.М.: Соглашусь с Вероникой. Современная система психологического образования всё ещё во многом основана на модели XX века: преобладает теоретизм и избыточная академичность. Между тем,

современный мир требует специалистов, которые могут действовать гибко, этично и практически.

Я убеждена, что образование должно быть модульным. Базовое ядро должно включать фундаментальные дисциплины: общую, возрастную, социальную психологию, психодиагностику, этику профессии. Далее студент должен иметь возможность выбирать направление специализации: клиническое, консультативное, коучинговое, организационное или цифровое.

С первых курсов необходимо внедрять практико-ориентированные форматы - работу с реальными кейсами, анализ консультаций под супервизией, участие в исследовательских проектах. Это позволит студентам развивать уверенность и понимание реальных запросов клиентов.

Онлайн и гибридные форматы обучения открывают возможность учиться у ведущих специалистов мира, участвовать в международных конференциях и обмениваться опытом в глобальном профессиональном сообществе.

Не менее важным элементом является личная терапия и развитие психологической устойчивости. Поскольку, образование психолога — это не только получение знаний, но и процесс личностной трансформации.

Вопрос 8. Какое место в обучении займёт практика и супервизия?

Ахтаева Н.С.: Практика и супервизия — это важная часть психологического образования. Без практики у психолога будут отсутствовать необходимые профессиональные умения и навыки, а без супервизии может искажаться диагностика клиентов.

Практика должна занять важное место, потому что теоретические исследования не принесут людям пользы, если не будут применяться на практике. Супервизия также очень важна, чтобы практика проводилась на научной основе, была более ощутима клиентом и продуктивна.

Крашенинникова В.А.: Считаю, что практика и супервизия должны занять ключевое место. По факту эти области уже являются наиболее актуальными и полезными методами обучения в психологии уже в текущий момент. К этому располагает сама специфика психологии, как науки. У нас нет книг с формулами, которые будут работать вне зависимости от обстоятельств, потому наиболее эффективным способом обрести новые, и, что самое главное, достоверные знания, является непосредственный контакт с процессом работы психолога.

Балгимбаева З.М.: На мой взгляд, практика и супервизия — это не дополнение, а основа профессионального становления. Именно практика и супервизия формируют профессиональную идентичность. Теория важна, но только опыт работы с живыми людьми превращает студента в специалиста. Поэтому практика должна начинаться уже в первый год обучения и сопровождаться постоянной супервизией, которая помогает студенту осознавать свои профессиональные и личные границы.

Практика должна быть поэтапной и непрерывной: от наблюдения и ассистирования на младших курсах до самостоятельного консультирования на старших.

Супервизия при этом становится обязательным элементом подготовки — инструментом профессионального роста, а не формальной проверкой.

В будущем я вижу систему, где каждый начинающий психолог ведёт портфолио практических кейсов, получает регулярную супервизию и рефлексию. Это формирует ответственность, зрелость и уверенность в своих действиях.

Вопрос 9. Нужна ли лицензия на профессию психолога?

Ахтаева Н.С.: Я считаю, что лицензия нужна обязательно. Это поможет повысить качество услуг и доверие к профессии. Сейчас психологом может называться кто угодно, и это часто вредит клиентам. Лицензия могла бы стать подтверждением того, что специалист прошел подготовку, имеет этические стандарты и действительно компетентен.

Это могло бы ограничить доступ к практической деятельности непрофессиональных психологов без образования. Чтобы потенциальные клиенты не попадали к неквалифицированным специалистам, и репутация психологии как науки не снижалась.

Крашенинникова В.А.: Необходима. В который раз обращаюсь к специфике психологии как науки самой сложной для измерения. Это обстоятельство ставит нас в положение, при котором мы имеем минимум достоверного доказанных фактов о психике и её природе. Даже научные теории, вроде типов темперамента, должны восприниматься с большим «но». По своей сути, чистых холериков и других типов темпераментов не существует, и что у данной классификации стоит относиться как к достаточно грубому обобщению для более простого восприятия и систематизации информации. То есть, большая часть всех научных теорий достойны доверия только в частных случаях, и то с правками, на особенности этих самых частных случаев. Это приводит нас к тому, что психолог вынужден импровизировать в своей работе и буквально, работать «на ощупь». Отдельные курсы повышения квалификации могут быть полезными, однако при таком мизерном объеме доказанной информации, специалисты должны быть крайне осторожны и избирательны, так как в этой сфере слишком легко наткнуться на инфо-цыган.

Поэтому, официальная лицензия, доказывающая, что данный специалист имеет хотя бы базовые знания, которые точно имеют научную ценность,

просто необходима. К тому же, если мы говорим о будущем, то я рассчитываю на то, что вскоре у нас появится больше научно доказанных фактов, которые можно будет получить при обучении.

Балгимбаева З.М.: Я считаю, что введение лицензирования — это необходимый шаг для профессионального сообщества и необходимая мера для регулирования качества психологической помощи и защиты клиентов.

При этом процесс лицензирования не должен превращаться в бюрократическую систему, но обязан обеспечить качество и безопасность помощи.

Лицензия подтверждает, что специалист прошёл подготовку, знает этические нормы и несёт ответственность за свои действия. При этом важно разграничивать сферы: для психотерапевтов и клинических психологов лицензирование должно быть строгим, а для специалистов в области коучинга, педагогической или организационной психологии можно использовать гибкие формы сертификации.

Лицензия должна подтверждать квалификацию специалиста, его подготовку, знание этики и ответственность перед обществом. А единые стандарты, прозрачная система аккредитации и открытая база сертифицированных специалистов помогут укрепить доверие к профессии.

Вопрос 10. Как изменится роль научного исследования в подготовке практиков?

Ахтаева Н.С.: Психология постоянно развивается, и важно академически подтверждать и открывать новые знания. Поэтому роль научного исследования всегда останется важной частью в работе практика-психолога. Психолог должен не только ссылаться на научные исследования, научно обосновывать

свои рекомендации в процессе консультирования, но и уметь применять их на практике.

Научные исследования останутся важными, но станут носить более прикладной характер. Психологам нужно не просто знать теории, а уметь применять научные данные в практике. Исследования должны быть ближе к реальным проблемам клиентов, а практики понимать, как пользоваться научными методами, чтобы подтвердить эффективность своей работы.

Возможно, результаты исследования будут направлены на анализ конкретных случаев в реальной практике. Будет больше практических занятий, которые будут непосредственно применяться в реальной психологической деятельности.

Как показывают мои наблюдения, научные исследования будут важны, но им перестанут уделять такое большое внимание на фоне практики, поскольку исследования не так интересны для большинства молодых специалистов.

Крашенинникова В.А.: Предположу, что научные исследования получат больше влияния. В будущем, скорее всего нам станет известно больше достоверной информации о психике, что сделает научную литературу более актуальной и практически применимой. Грубо говоря, мы сделаем шаг к тому, чтобы походить на другие науки, которые изменить легче. К примеру, математикам не обязательно проверять на практике законы тригонометрии, чтобы быть уверенными в их достоверности. Если научные исследования сделают прорыв, то объем научно доказанных фактов позволит оптимизировать процесс обучения как студентов исследователей, так и студентов практиков.

Балгимбаева З.М.: Наука должна оставаться основой подготовки практикующего психолога. Я глубоко убеждена, что психолог без

исследовательского мышления теряет связь с наукой и рискует скатиться в интуитивный подход. Именно исследовательская культура помогает формировать критическое мышление, умение анализировать эффективность методов и выбирать доказательные подходы.

Наука и практика не противоположны, а взаимодополняют друг друга. Психолог должен уметь читать и анализировать научные данные, понимать статистику, критически оценивать источники.

Современные практики должны ориентироваться на доказательную базу - использовать методы, эффективность которых подтверждена исследованиями.

Особое место занимают практико-ориентированные исследования: когда психолог анализирует собственную работу, собирает данные, делает выводы и делится ими с коллегами. Это путь к развитию профессионального сообщества и укреплению доверия к психологии как науке.

Такая позиция делает психолога не только практиком, но и исследователем, постоянно развивающимся в профессии.

ГЛАВА 3. ЭТИКА И ГРАНИЦЫ ПРОФЕССИИ

О будущих требованиях к этическим принципам работы психологов беседуют Турчин Анатолий Степанович и Сафаев Нуритдин Салихович.

Турчин Анатолий Степанович – доктор психологических наук, профессор, председатель Санкт-Петербургского отделения МАПН, академик Международной академии психологических наук

Сафаев Нуритдин Салихович - доктор психологических наук, профессор кафедры «Психология» Национального Университета Узбекистана им. Мирзо Улугбека, академик Международной академии психологических наук

Вопрос 11. Где проходят границы вмешательства психолога в личную жизнь клиента?

Сафаев Н.С.: На мой взгляд, психолог должен уметь создать такие условия, при котором клиент может всецело раскрыть свое «Я», и при этом психолог обязан соблюдать профессиональную этику.

Турчин А.С.: Согласен с Вами, коллега. Психолог осуществляет вмешательство в личную жизнь клиента уже самим фактом своего существования. Поскольку я отношу себя к научной школе П.Я. Гальперина,

то считаю закономерным для психолога реализацию функции, уточняющей характер ориентировки клиента в реальности. В ходе консультирования позиции психолога и клиента могут быть диаметрально противоположными.

Клиент реализует свои ожидания в надежде на то, что психолог возьмет часть исполнительских функций на себя. По сути, как и в педагогической практике, преобладает рецептурный подход, когда перечень предписываемых действий должен непременно привести к тому результату, который первоначально озвучивает клиент, как в старой песне: «Стань таким, как я хочу».

При семейном консультировании перейти разумные границы достаточно легко, поскольку психолог часто эмоционально присоединяется к клиенту, а последний склонен провоцировать избыточную эмпатию (как Карлсон в мультфильме говорит Малышу: «Я самый больной человек. Ну, ты ведь обещал мне быть родной матерью!»).

Самый простой подход в подобных ситуациях – тестологический, когда психолог предлагает опросники или проективные методики. Это способствует обращению активности клиента на себя, свои замыслы и реальные поступки. Главное, не допускать манипуляции как со своей стороны, так и со стороны клиента. Интуитивное чувство «границы» вырабатывается лишь при продолжительном консультировании. Можно предположить, что в отношении «границ» будет действовать принцип «окон Овертона», но это не отменяет этических норм консультирования.

Вопрос 12. Как изменятся этические нормы в эпоху цифрового наблюдения?

Сафаев Н.С.: Естественно, что этические нормы претерпевают изменения в современных условиях. Такие основополагающие этические нормы - как компетентность, конфиденциальность и самое главное, ответственность, уходят на задний план.

Турчин А.С.: Вероятно, следует ожидать, что со стороны клиентов повысится тревожность в отношении поведения психолога. Аксиомой остается положение о том, что моральные нормы не внушаются. Наличие возможности дипфейков, т.е. конструирование видеопротоколов «консультаций со злым умыслом» будет создавать ситуации фишинга. Предвестником последнего был фильм «Окончательный анализ», в котором показаны варианты подобного поведения. По-видимому, как в юриспруденции, потребуется заранее оговаривать взаимоприемлемые условия консультирования, но, если подключать к этому оформлению третьих лиц, то исчезнет собственно психологическая этика.

Вопрос 13. Нужно ли пересматривать границы между психологией и коучингом?

Сафаев Н.С.: Несомненно, требуется пересмотр границ между психологией и коучингом. У них разные цели и задачи. Психолог работает с психологическими проблемами а коучинг помогает человеку в достижении целей, чтобы у него появилось чувство уверенности в себе.

Турчин А.С.: В дополнение к сказанному, я бы отметил, что только в нашей литературе есть серия «Сам себе психолог». В медицинской литературе, кстати, нет серии «Сам себе хирург» или «Сам себе стоматолог». Если считать, что коучинг представляют так называемые «учителя жизни», то возникает

некоторая аналогия с опытом педагогов-новаторов 70-х-90-х гг., опыт которых пытались копировать, так сказать, в инициативном порядке.

Воспользоваться их рецептами не получится по двум причинам: 1) их опыт находится «на кончиках пальцев», т.е. теоретически его трудно обобщить и повторить, так как по Гераклиту, в одну реку нельзя войти дважды; 2) во-вторых, никто из коучей не заинтересован в преумножении числа своих потенциальных конкурентов. В начале XX в. один из североамериканских президентов советовал своим сенаторам говорить народу правду и ничего, кроме правды...но не всю правду.

Естественно, коучинг позволяет получить какие-то документы, которые могут повышать статус прошедших тренинг, но здесь отношения напоминают те, которые существуют между представителями официальной и народной медицины. Вопрос о границах, в моем понимании, правомерен, когда статус профессионального психолога будет утвержден не только законодательно, но и будет признаваться обществом.

Вопрос 14. Что делать с психологами «гуру» и инфоцыганами?

Турчин А.С.: Этот вопрос связан с предыдущим, поскольку в их поведении явно или скрыто имеется корыстный мотив. Это уже выводит его обсуждение в правовое поле. Есть юридическая норма об оказании услуг, которые заведомо не могут быть признаны соответствующими их наименованию.

Сафаев Н.С.: Я считаю, что нужно бороться с ними все доступными средствами. Начиная с лицензирования их деятельности, и показывая их лженаучность.

Вопрос 15. Какие этические вызовы будут связаны с применением ИИ в терапии?

Сафаев Н.С.: Главным вызовом, на мой взгляд, является вопрос об автономии в принятии решений. И, во-вторых, существуют риски утечки информации и, соответственно, нарушения права на неприкосновенность частной жизни.

Турчин А.С.: Поскольку психологи применяют вид терапии, который именуют «малой», то возможно, что с применением искусственного интеллекта возникнет ряд проблем. Представляется важным то, что ИИ будет ориентирован на явно выраженную симптоматику невротических изменений личности и поведения клиента. Так называемые «стертые» формы расстройств и не регулярно проявляющиеся поведенческие расстройства ИИ будет довольно трудно квалифицировать. Если в отношении психологии способностей трудно прогнозировать перерастание задатков в способности и их последующее развитие, и в более взрослых возрастах достаточно осторожно говорят о гетерохронности и несинхронности созревания и развития, то моральное развитие вообще трудно представить ранжируемыми при помощи ИИ. Так что и в малой психотерапии у психологов-людей есть будущее.

ГЛАВА 4. ТЕХНОЛОГИИ И ЦИФРОВАЯ ЭПОХА

О проблемах и вызовах, связанных с внедрением и расширением новых информационных и компьютерных технологий в наступившей цифровой эпохе, рассуждают Кузубова Мария Владимировна и Аймаганбетова Ольга Хабижановна.

Аймаганбетова Ольга Хабижановна – доктор психологических наук, профессор кафедры общей и прикладной психологии Казахского национального университета им. Аль-Фараби, академик Международной академии психологических наук

Кузубова Мария Владимировна - доктор психологических наук, Руководитель Казахстанского отделения МАПН, официальный преподаватель и супервизор практики международного класса ОППЛ, психотерапевт Европейского реестра, академик Международной академии психологических наук

Вопрос 16. Как изменит практику психолога развитие ИИ и нейроинтерфейсов?

Аймаганбетова О.Х.: С развитием ИИ и нейроинтерфейсов практика психологов кардинально изменится в силу того, что ИИ позволит быстро и точно проводить диагностику личностных особенностей, эмоциональных

состояний, что даст возможность развитию цифрового измерения психики в целом.

Кузубова М.В.: Если практику психолога рассмотреть с точки зрения реализации минимум трех процессов - консультирования, психотерапии и психокоррекции (построенной на предварительной диагностике), то, можно допустить, что развитие ИИ сможет существенно помочь снизить число ошибок при диагностике, позволить легче реализовывать коррекционные программы, и алгоритмы консультирования.

Вопрос 17. Могут ли технологии заменить часть работы психолога без потери качества?

Аймаганбетова О.Х.: Однако ИИ и нейроинтерфейсы не смогут полностью заменить работу психолога, т.к. ИИ не сможет обеспечить непосредственный живой контакт, что в целом может привести в потере эмпатического компонента, очень важной составляющей деятельности психолога.

Кузубова М.В.: Технологии смогут не только заменить, но, и улучшить качество коррекционных программ. Что касается процесса психотерапии, базирующегося на практиках. присутствия, создания пространства для интимности с самим собой, постижения собственной глубины, и реализующей сложные не алгоритмичные задачи, вряд ли нейроинтерфейсы здесь могут быть успешны.

Вопрос 18. Как Вы относитесь к использованию виртуальной реальности в терапии?

Аймаганбетова О.Х.: К использованию виртуальной реальности в терапии отношусь положительно, т.к. она может быть использована как инструмент для погруженного переживания, позволяющего пережить травмирующие или стрессовые ситуации в контролируемой среде. Виртуальная реальность позволит моделировать стрессовые ситуации, приведшие к ПТСР, тревожности, депрессии и др., что даст возможность клиенту по-новому реагировать на стрессовые ситуации.

Кузубова М.В.: Искусственный интеллект – наша реальность, и все больше клиентов психолога пользуются возможностями ИИ. Например, ИИ помогает клиентам тогда, когда темы для терапии считается клиентом стыдной, и с живым человеком ее сложно обсуждать, или клиенту требуется быстрая поддержка в кризисе. ИИ помогает структурировать вопросы, и клиенты приходят более подготовленными к сессии. Нейминг является сильной стороной ИИ, это не означает, что клиент справляется с чем-то, но, очевидно, хотя бы может что-то вербализовать. Иногда я сталкиваюсь с тем, что клиент проверяет какие-то собственные инсайты и выводы от терапевтического процесса, и получает больше вариаций, что, в свою очередь, формирует критичность, и новые механизмы рефлексии в самом процессе.

Вопрос 19. Что будет с психодиагностикой в эру Big Data и цифровых следов?

Аймаганбетова О.Х.: Психодиагностика в эру Big Data и цифровых следов станет более точной и быстрой, что позволит анализировать огромные массивы данных и создавать более точные психологические профили личности.

Кузубова М.В.: Использование Big DATA может существенно улучшить качество психологических исследований, и существенно снизить поток недостоверных данных, вернуть в исследовательскую психологию стандарты валидации и репрезентации исследований. вполне возможно что именно большие данные позволят перестать смотреть на мир целиком, и на потребности психотерапевтического процесса глазами белого мужчины среднего возраста с незаконченным/высшим образованием (стандартный испытуемый сделавший европейскую науку), и, возможно позволит выявить и переформулировать основные терапевтические задачи, приняв во внимание женщин, представителей других культур, людей другого материального статуса, другого образовательного статуса.

Вопрос 20. Каким Вы видите будущее онлайн-психотерапии?

Аймаганбетова О.Х.: Онлайн-психотерапия будет развиваться быстрыми темпами, она станет более доступной, будут развиваться групповые сессии с клиентами, живущими в разных странах. Психолог постепенно становится не только консультантом, но и станет аналитиком тех данных о клиенте, которые получит с помощью ИИ.

Кузубова М.В.: вполне вероятно, что мы с вами находимся в начале процесса дифференциации психотерапевтических услуг. С одной стороны нарастает удельная доля он лайн услуг – более низкой цены, и более низкого качества, и эта доля станет, в течении ближайших трех лет большей и основной- девиз много специалистов, относительно дешево, быстро, относительно безопасно, но и относительно поверхностно. Личная оффлайн терапия начнет переходить в формат элитарной, сохранив высокое качество, высокую безопасность. И она же, как и сегодня будет обеспечивать глубинные

сложные процессы. Есть тенденция к тому, что онлайн терапия сместить фокус внимания не на помощь в преодолении жизненных. сложностей и повышение качества жизни, а на организацию. бесконечного процесса самопознания.

ГЛАВА 5. ИНДИВИДУАЛЬНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ И СИСТЕМНОЕ

О взаимоотношениях между будущей психологии личности и социальными системами, о будущих форматах группой работы, о судьбе различных психотерапевтических подходов и роли психолога будущего в процессе становления культурной идентичности беседуют Янчук Владимир Александрович и Перленбетов Мухан Атеневич.

Янчук Владимир Александрович – Янчук В.А. Доктор психологических наук, профессор. Заслуженный работник образования РБ. Профессор кафедры социальной и организационной психологии Беларуского государственного университета.

Приглашенный лектор Оксфордского, исследователь Сассекского, профессор Хамберсайдского университетов (Великобритания), приглашенный профессор Казахского национального университета имени аль-Фараби и Университета Туран.

Член Международной ассоциации психологической науки (APS), Международной ассоциации психологии личности и социальной психологии (SPSP), Общества обучения психологии (STP), Международной ассоциации кросс-культурной психологии (IACCP), Теоретической и философской психологии (STPP), Качественных исследований в психологии (SQIP). Академик Международной академии психологических наук и Академии имиджологии. Почетный член Украинской ассоциации организационной психологии (UAOP) и

Международного общества противодействия насилию и пренебрежению над детьми (ISPCAN).

Перленбетов Мухан Атенович - доктор психологических наук, профессор, Президент Республиканского Общественного объединения «Казахское психологическое общество», автор программы «Система диагностики психического состояния детей Ресурс», академик Международной академии психологических наук.

Вопрос 21. Должна ли психология шире работать с социальными и культурными системами, а не только с личностью?

Янчук В.А.: Сведение психологии к личности не совсем корректно, т.к. в рамках психологии существуют социальная, кросс-культурная, культурно-историческая и культурная психологии, имеющие довольно продолжительную историю существования и внесшие существенный вклад в развитие психологического знания. Сведение психологии только к психической активности явно противоречит констатации человека как, прежде всего, социальной сущности. Изучение психической активности самой по себе скорее прерогатива нейробиологии, которая все более и более вторгается на территорию психологии, порождая, на мой взгляд, не имеющие почвы иллюзии. Психология исходно оформляется как «наука о душе» (псюхе), духовной сущности, коя без социальной и культурной начинки становится безжизненной являя абстрактный конструкт для интеллектуальных спекуляций. Соответственно, меняется не нейробиологический субстрат, а социально-культурная начинка, что убедительно показал еще Л.С. Выготский.

В рамках разрабатываемой мною социокультурно-диалогической интердетерминистской метатеории границы рассмотрения поведения личности еще более расширяются за счет включения в анализ не только природной, психической и социальной, но и техногенной и кибер реальностей, в лоне которых и функционирует личность. Сегодня становится все более очевидным то существенное влияние, которое оказывает технотехнологический прогресс в целом и смартфонизация и сетевизация межличностного взаимодействия порождающие новые феномены, требующие качественно иного понимания и осмысления. Следует иметь в виду и то, что взаимодействие в условиях многомерной и гетерогенной реальности носит интердетерминистский характер, приводящий к формированию нового качества, не сводимого к простой сумме составляющих целое частей. Особого внимания заслуживает нахождение своеобразных точек бифуркации приводящих к образованию новых качеств, неизвестных ранее. Именно технотехнологический прогресс и экспансия киберреальности приводят ко все большей виртуализации взаимоотношений и снижению ответственности за свои деяния. Бурное развитие искусственного интеллекта только усугубляет этот процесс. Теряя собственную информационную базу данных, поисковую и социальную активность люди все больше деградируют интеллектуально, социально и эмоционально и, как следствие, экзистенциально. Современная психология пока только подходит к осознанию этого факта и испытывает чувство растерянности, надеюсь, временной.

Перленбетов М.А.: Я считаю, что психология должна шире работать с социальными и культурными системами, а не только с личностью. Современные исследования и критический анализ показывают, что личность не может быть полностью понята вне её социального и культурного контекста. Отказ от более широкой системной перспективы ограничивает понимание

человеческого поведения, а также эффективность психологических вмешательств.

Какие аргументы я выдвигаю в пользу более широкого подхода?

- Влияние контекста на личность. Наше мышление, эмоции и поведение формируются и изменяются под влиянием социальных норм, ценностей, культурных установок и исторического контекста. Например, в индивидуалистических культурах одни и те же психологические процессы могут проявляться иначе, чем в коллективистских.
- Искажение данных при «WEIRD»-выборках. Значительная часть психологических исследований традиционно проводится на представителях западных, образованных, индустриально развитых, богатых и демократических обществ (акроним WEIRD). Результаты, полученные на таких выборках, могут быть ошибочно восприняты как универсальные, хотя на самом деле они отражают специфику ограниченного культурного контекста.
- Критика «индивидуальной» модели. Модель, которая фокусируется исключительно на внутренних процессах личности, рискует упустить из виду внешние факторы, влияющие на благополучие. Такие внешние факторы, как социальное неравенство, дискриминация, бедность и властные отношения, могут быть основными причинами психологических проблем, но не могут быть решены на уровне индивидуальной терапии.

Таким образом, осознание этих ограничений привело к развитию новых направлений в следующих областях психологии:

- Культурная психология: изучает, как культура формирует психические процессы.

- **Общественная психология:** фокусируется на социальных проблемах, благополучии сообществ и вопросах социальной справедливости.
- **Системный подход:** рассматривает личность как часть более крупной системы, например семьи или организации, и анализирует взаимодействие между элементами этой системы.

В этой связи все более очевидным становится необходимость интеграции личности. Более широкое видение не означает отказ от работы с личностью, а скорее её интеграцию в более крупный контекст. Успешная психологическая помощь и исследования должны учитывать взаимодействие между:

- **Внутренними процессами:** мысли, чувства, личностные черты.
- **Внешними факторами:** социальное окружение, культура, история.

Такой подход позволяет не только более полно понимать человека, но и разрабатывать более эффективные, релевантные и этически обоснованные методы психологической работы.

Вопрос 22. Какие форматы групповой работы будут востребованы?

Янчук В.А.: Вполне очевидна приоритетность опосредованного сетевого взаимодействия, приводящего ко все большему отстранению от реальных взаимоотношений, что наглядно проявляется в «очерствлении» этих отношений, потери коллективизма в его реальном, а не виртуальном значении. Люди все больше погружаются в информационные пузыри теряя чувство реальности, меры и ответственности за свои действия. И это только начало. Поэтому в перспективе необходимо находить возможности и формы возврата к контактам лицом-к-лицу, позволяющим не только констатировать и рационализировать, но и сочувствовать сопереживать и т.п. В противном случае не исключена мрачная перспектива деградации и десоциализации,

описанная в «О дивном новом мире» Олдосом Хаксли. По существу, необходимо вести речь о смещении акцентов на процесс ресоциализации, возврату к человечности в ее лучших проявлениях.

Перленбетов М.А.: В психологии востребованными становятся гибридные и специализированные форматы групповой работы, сочетающие онлайн-инструменты с традиционными методами.

К ключевым трендам и форматам групповой работы я бы отнес следующие:

1. Интеграция технологий:

- **Онлайн- и гибридные группы:** Популярность онлайн-терапии продолжает расти, предлагая большую доступность для участников из разных регионов и с ограниченной мобильностью. Гибридные группы, объединяющие очные и дистанционные встречи, обеспечивают гибкость, сохраняя при этом живое взаимодействие.
- **Использование цифровых инструментов:** В групповой работе активно применяются специализированные платформы, чаты, вебинары и другие цифровые инструменты для поддержки связи, обмена информацией и выполнения домашних заданий между сессиями.

2. Специализация и узконаправленность:

- **Группы по конкретным запросам:** вместо общих терапевтических групп всё больше внимания уделяется специализированным направлениям, таким как работа с тревогой, депрессией, расстройствами пищевого поведения или проблемами в отношениях.
- **Тематические тренинги и семинары:** Форматы, ориентированные на развитие определённых навыков (например, эмоциональной регуляции или ассертивности), становятся всё более востребованными.

- Мастермайнд-группы: Формат, где участники собираются для взаимного обучения, обмена опытом и поддержки в достижении конкретных целей, набирает популярность в бизнес-психологии.

3. Новые подходы и методики:

- Интерактивность и геймификация: Для повышения вовлечённости участников в групповую работу внедряются элементы игр, соревнований и интерактивных упражнений.
- Проблемно-ориентированные группы: Группы, сфокусированные на решении сложных проблем и проведении анализа, будут актуальны в корпоративном и образовательном секторах.
- Краткосрочные интенсивные форматы: В дополнение к долгосрочным группам будут востребованы короткие, интенсивные программы, позволяющие быстро освоить навыки или решить конкретную проблему.

4. Расширение области применения:

- Корпоративная психология: Групповая работа будет всё чаще использоваться в бизнесе для улучшения коммуникаций, внедрения корпоративной культуры и повышения эффективности команд.
- Группы по интересам и поддержке: Актуальным останется формат групп, объединённых общими интересами или жизненными ситуациями, для получения поддержки и обмена опытом.

Вопрос 23. Как изменится психологическая помощь семьям и парам?

Янчук В.А.: Сегодня мы наблюдаем качественное изменение семейных отношений, проявляющееся в возрастающем отчуждении детско-родительских, да и межполовых взаимоотношений, обретении ими краткосрочного и виртуального характера. Феномен женщины и мужчины «на

час» становится все более распространенным лишая людей перспективы долгосрочных экзистенциальных отношений со всеми вытекающими негативными последствиями. Психолог должен способствовать «очеловечиванию» этих отношений. При этом особое значение приобретает именно экзистенциальный аспект этих отношений, связанный с осознанием взаимосвязанности и взаимответственности, со-жития, со-чувствия и т.п. Чем меньше этих со-, тем больше отчуждение и потеря человечности. Своеобразную «медвежью услугу» этому процессу оказывает распространение онлайн консультирования и появление очень опасного конкурента в лице искусственного интеллекта, предоставляющего гораздо большие возможности по сравнению с возрастающей массой низкоквалифицированных и узкоспециализированных практических психологов, отличающихся еще и безответственностью за рекомендуемое.

Перленбетов М.А.: Психологическая помощь семьям и парам изменится в сторону большей гибкости, интеграции технологий, учёта социального контекста и специализации. Развитие системного подхода, онлайн-форматов и внимания к разнообразию семейных форм будет определять её будущее.

Гибкость и доступность

- **Онлайн- и гибридная терапия.** Цифровые технологии позволяют проводить консультации удалённо, что делает помощь доступной для пар, живущих в разных местах, или семей, где один из партнёров часто в отъезде. Гибридный формат, сочетающий онлайн- и очные сессии, будет давать максимальную гибкость.
- **Модульный подход.** Вместо длительной терапии будут всё чаще предлагаться краткосрочные интенсивные программы или семинары, нацеленные на решение конкретных проблем, например, связанных с конфликтами или воспитанием детей.

- Асинхронные формы поддержки. Использование чатов, специализированных приложений и онлайн-курсов позволит парам получать поддержку и выполнять задания между сессиями, что повысит эффективность работы.

Расширение фокуса терапии

- Влияние социального и культурного контекста. Семейная терапия будет уделять больше внимания социальным и культурным факторам, влияющим на отношения. Это включает анализ воздействия внешних стрессоров (экономические проблемы, социальное давление, влияние гендерных стереотипов) на семейную систему.
- Работа с разнообразными семейными формами. Психологическая помощь будет адаптироваться к потребностям семей, выходящих за рамки традиционных представлений: однополые пары, семьи с приёмными детьми, многопоколенные семьи и другие.
- Учёт технологических изменений. Терапия будет включать в себя работу с проблемами, связанными с технологиями, такими как зависимость от гаджетов, «фаббинг» (пренебрежение партнёром в пользу телефона) и влияние социальных сетей на отношения.

Новые методы и специализация

- Интегративные подходы. Терапевты будут сочетать различные методы, такие как системная семейная терапия, эмоционально-фокусированная терапия и когнитивно-поведенческая терапия, для более глубокой и адресной работы.
- Профилактика и образование. Вместо того чтобы работать только с уже возникшими проблемами, помощь будет фокусироваться на превентивных мерах. Развитие программ для молодых пар и семей на

ранних этапах отношений поможет им освоить навыки общения и решения конфликтов.

- Усиление роли системного подхода. Системная семейная терапия, рассматривающая семью как единый, взаимосвязанный организм, станет ещё более актуальной. Это позволит понять, как поведение одного члена семьи влияет на всех остальных.
- Мультидисциплинарный подход. Терапевты будут всё чаще сотрудничать с другими специалистами — врачами, юристами, социальными работниками, чтобы обеспечить комплексную помощь.
- Фокус на ресурсах. В дополнение к работе с проблемами упор будет делаться на выявлении и укреплении сильных сторон семьи и пары, их внутренних ресурсов и уникальных механизмов поддержки.

Вопрос 24. Какая судьба у телесно-ориентированных, арт- и экзистенциальных подходов?

Янчук В.А.: Процессы атомизации человеческого сообщества могут привести либо к их полной не востребованности, либо к чуть ли не единственной возможности сохранения человечности как социальной сущности. Особенно велика роль экзистенциального подхода, ориентированного на поддержание и развитие мира сопереживания и сочувствия, созидания и взаимопомощи, вотканности в-бытие-в-мире. По крайней мере они могут способствовать встрече людей в реальном, а не виртуальном мире, почувствовать друг друга, найти общее и развить его.

Перленбетов М.А.: На мой взгляд, у телесно-ориентированных, арт- и экзистенциальных подходов в психологии будущее определяется интеграцией, специализацией и технологическими инновациями. Эти подходы будут не

только продолжать существовать, но и эволюционировать, приобретая новые формы и расширяя сферу применения.

Судьба телесно-ориентированной терапии связана с растущим научным интересом к связи между разумом и телом, особенно в контексте травм и стресса. А ее будущее - за интеграцией. Методы телесно-ориентированной терапии будут активнее сочетаться с другими модальностями, такими как когнитивно-поведенческая терапия (КПТ) и терапия осознанности (mindfulness), для создания более целостного подхода.

Кроме того, возрастают требования к доказательности и научной обоснованности применяемых методов. Исследования в области нейробиологии и психофизиологии будут способствовать лучшему пониманию механизмов телесной терапии.

К тому же, нельзя забывать и о развитии специализированных телесных техник для работы с конкретными проблемами, такими как хроническая боль, тревожные расстройства и посттравматический стресс.

Арт-терапия будет всё активнее использоваться в работе с травмой, в групповой терапии и в программах по развитию навыков, например, эмоциональной регуляции.

Арт-терапия будет развиваться в двух ключевых направлениях: технологическое и прикладное.

Современные инновации, включая искусственный интеллект (ИИ), виртуальную (VR) и дополненную (AR) реальность, будут активно интегрироваться в арт-терапевтическую практику. Это расширит возможности самовыражения и сделает терапию доступной для людей с ограниченными возможностями.

Использование различных онлайн-платформ позволит проводить арт-терапию дистанционно, обеспечивая гибкость и доступность для клиентов из разных регионов.

Что касается экзистенциального подхода, то поиск смысла и принятии ответственности, останется актуальным, но его применение изменится.

В условиях постоянных социальных и технологических изменений экзистенциальный подход будет востребован как никогда, помогая людям справляться с тревогой, неопределённостью и вопросами идентичности.

Методы экзистенциальной терапии могут использоваться в кризисной терапии для поддержки в краткосрочной терапии, помогая клиентам справляться с кризисами и находить внутренние ресурсы.

Ну и, конечно, экзистенциальные идеи могут быть интегрированы в другие терапевтические подходы, например, в когнитивно-поведенческую терапию, чтобы добавить в неё глубины и внимания к личностному смыслу.

Таким образом, резюмируя все сказанное выше, можно выделить одну общую тенденцию: будущее всех этих подходов — в их взаимном обогащении и адаптации к современным реалиям.

Вопрос 25. Может ли психолог быть активным участником в формировании культурной идентичности?

Янчук В.А.: Не может, а обязан, разъясняя то, как она формируется и развивается в ту или иную сторону. Культура создает основу взаимопонимания, со-бытия и со-жития. Без нее он становятся невозможными. Благодаря культуре и культурному наследию люди учатся и развиваются, а без нее они каждомоментно будут как бы рождаться заново, теряя какие-либо ориентиры и перспективы развития и со-существования. Поэтому психологи должны активно участвовать в процессе формирования культурной

идентичности демонстрируя, в том числе и на собственном примере, ее роль в развитии человека и человечества.

При этом важно строить процесс как совместно создаваемый и развиваемый посредством диалога, направленного на прояснение и развитие совместно вырабатываемых значений, смыслов и переживаний происходящего. Особую роль в этом процессе приобретают интерсубъективность и интерэкзистенциальность, формируемые на фундаменте интертекстуальности и опыта совместного созидания и сотворчества. Культурная идентичность не сваливается с небес и не навязывается пропагандой, а совместно создается. В этом случае она интернализируется и экстернализируется в противовес хамеленизации, получившей особое распространение сегодня и приводящей к потере самих себя.

Перленбетов М.А.: Я считаю, что психолог не может быть активным участником в формировании культурной идентичности в её директивном понимании. Такая роль противоречила бы этическим принципам психологии и её профессиональной задаче.

Профессия психолога требует нейтральности и безусловного принятия клиента, а не навязывания ему каких-либо культурных норм, ценностей или идентичности. Вместо того чтобы активно формировать идентичность, психолог выполняет иную, более деликатную роль.

Роль психолога в контексте культурной идентичности я вижу в следующем:

1. Помощь в исследовании и осознании. Психолог помогает клиенту исследовать и осознать свою культурную идентичность, понять, как она влияет на его поведение, мысли и чувства. Это особенно важно для людей с мультикультурной идентичностью, которые могут испытывать внутренний конфликт.

2. Учёт культурного контекста. Культурно компетентный психолог должен учитывать культурный бэкграунд клиента и свой собственный, чтобы не допустить предвзятости и обеспечить более эффективное понимание. Например, в одних культурах прямой взгляд считается проявлением уважения, в других — агрессии.
3. Поддержка адаптации. Психолог помогает клиентам, особенно мигрантам или представителям диаспор, адаптироваться к новой культурной среде, найти баланс между своей исходной и новой идентичностью.
4. Развитие самосознания. Психолог содействует развитию самосознания, помогая клиенту самостоятельно разобраться в своих ценностях, традициях и месте в культурном сообществе. Это позволяет человеку обрести внутреннюю целостность и уверенность в своей уникальности.
5. Борьба с культурной инкапсуляцией. Психолог, избегающий культурной инкапсуляции (ограничения своим собственным культурным восприятием), может создать безопасное пространство, где клиент будет чувствовать себя понятым и принятым.

Почему прямое формирование идентичности недопустимо?

- Нарушение этики. Психолог не имеет права навязывать свои ценности или взгляды. Попытка активного формирования идентичности — это прямое нарушение принципов нейтральности и уважения к клиенту.
- Искажение терапевтического процесса. Психотерапия должна быть направлена на поддержку и развитие личности, а не на её переформатирование под внешние стандарты.
- Риск травматизации. Навязывание культурной идентичности может привести к конфликту, потере связи с собственными корнями или,

наоборот, к отторжению предлагаемых ценностей, что в конечном счёте навредит клиенту.

Таким образом, роль психолога заключается не в активном формировании, а в помощи и сопровождении человека на пути к осознанию и принятию своей уникальной культурной идентичности.

ГЛАВА 6. БУДУЩЕЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

О будущем и движении психологической науки, о судьбе старых и развитии новых научно-практических парадигм в психологии будущего беседуют Козлов Владимир Васильевич и Давлетова Акмарал Амангелдиевна.

Козлов Владимир Васильевич - доктор психологических наук, профессор кафедры социальной и политической психологии ЯрГУ им. П.Г. Демидова, Ректор Университета Интегративной Психологии и Психотерапии (УИПП), основатель школы интегративной психологии и психотерапии, Президент Международной академии психологических наук

Давлетова Акмарал Амангелдиевна - доктор психологических наук, преподаватель «Q University», вице-президент Республиканской общественной организации «Казахское психологическое общество (КПО)», практический психолог-тренер международного уровня академик Международной академии психологических наук

Вопрос 26. Какие школы устареют, а какие станут ядром новой психологии

Козлов В.В.: В психологии чрезвычайно трудно определить и тем более прогнозировать, какие школы будет устаревать, а какие станут системообразующими. Тем более физиологическая парадигма, которой уже

почти 150 лет, вполне не просто жива, но расширилась за счет многих новых представлений, каковыми являются нейронаука и когнитивная психология и преуспевают успешно.

Психологи, как и все люди, будут систематически объединяться лидерами направлений, которые будут принадлежать к какой-то научной школе, расширяя пространство этой школы, предлагая свои модификации и новые названия старым идеям.

Давлетова А.А.: Согласна с Вами, профессор. Еще на мой взгляд, постепенно теряют актуальность школы, ограниченные редуционизмом - бихевиоризм, узкий когнитивизм, эмоциональные теории без контекста культуры. На передний план выходят гуманистическая, экзистенциальная, культурно-деятельностная и интегративная психология, где человек рассматривается как многомерная личность, способная к саморегуляции и духовному росту. Новая психология будет сочетать научную доказательность с философией жизненного смысла, эмпатии и ответственности перед обществом.

В этом контексте важна идея психологического служения, традиционно свойственная казахской культуре, где духовная сила и забота о ближнем считались высшими формами зрелости.

Вопрос 27. Влияние нейронаук и их роль в изменении психологической теории

Козлов В.В.: Нейронаука за последние несколько десятилетий она стала ключевой областью исследований сама по себе, а также во множестве дисциплин, включая психологию.

Логично, что изучение разума должно пересекаться с изучением мозга, однако не совсем ясна роль неврологии в психологии. Роль нейронауки в

психологии заключается в решении проблемы взаимосвязи между разумом и телом, психическими процессами и мозгом. Значимость нейронауки в развитие психологии трудно переоценить, так как нейронаука обладает как интегративная дисциплина огромным экспансивным потенциалом.

Давлетова А.А.: Нейронауки становятся инструментом, который позволяет психологии углублять свои теоретические основания. Однако истинная ценность заключается в синтезе нейробиологических и гуманитарных подходов, что обеспечивает новое понимание субъективного опыта.

Психология будущего будет опираться на идею нейропсихологического и духовно-нравственного единства личности. Развитие нейроэтики, нейропедагогики и нейропсихологии ценностей создаёт платформу для формирования интегративной психологической теории, объединяющей данные естественных и гуманитарных наук.

Вопрос 28. Главные научные парадигмы психологии ближайших 20 лет

Козлов В.В.: В современной психологии существуют пять главных моделей психологии со своими принципами, методологией, предметом и пятью магическими кристаллами, пятью линзами, через которые воспринимают психологи каждого клана психическую реальность совершенно своеобразно. Усилия интегративной психологии направлены на то, чтобы наладить взаимодействие этих «линз», магических кристаллов с целью сформировать, сконструировать совершенный объектив, адекватно отражающий психическую реальность.

Интегративная психология предполагает максимальное использование возможностей диалога с представителями всех пяти направлений психологии,

позволяющего расширить представления о подходах и исследовательских методологиях, применяемых к изучению психической реальности. Этот диалог предполагает включение механизмов идентификации, эмпатии и рефлексии как условий понимания представителей всех пяти волн психологии и налаживания продуктивного взаимодействия между ними, подчиненное общей цели – углублению представлений о сути психического, нахождения путей и способов сотрудничества.

Вместо того чтобы рассматривать физиологическую психологию, психоанализ, бихевиоризм, экзистенциально-гуманистическую и трансперсональную психологии как подходы конкурирующие, мы можем рассматривать их как взаимодополняющие пути получения новых открытий о человеке, каждый из которых потенциально информативен для другого.

Все пять парадигм психологии прогрессивны и необходимы, и каждая из них во временной перспективе содержит некий избыток относительно предыдущих теорий, объясняет новый, доселе неожиданный факт, опредмечивая новые пространства феноменов психического. И не нужно думать, что парадигмы в психологии рождаются и умирают, уступая место новым представлениям и научным ценностям.

Парадигмы эволюционируют, адаптируются к новым социальным и интеллектуальным веяниям, развиваются вместе с духом времени.

Парадигмы психологии в их непрерывности современного развития формируют тот многомерный теоретический, методологический и исследовательский и психотехнический проект, который мы обозначили как интегративную психологию.

Мы можем назвать интегративную парадигму психологии в ближайшие 20 лет одной из главных парадигм за счет интенциональности других парадигм – физиологической психологии, психоанализа, бихевиоризма, экзистенциально-

гуманистической и трансперсональной психологии к интеграции идей, методов и техник из других направлений и пониманий. Следует признать, что психологи живут в разных мирах психологии, отделенные кастами, пространством, временем, образованием, мышлением, пониманием и представлением о самой психологии, но сама реальность психологической профессиональной деятельности требует реализации мультипарадигмальной интегративной стратегии.

Давлетова А.А.: Действительно, психология вступает в эпоху интегративного и человекоцентричного развития. В ближайшие десятилетия ведущими станут парадигмы целостного человека, экопсихологического мышления и психологии устойчивого развития личности и общества. Основной вектор - объединение данных нейронаук, когнитивной психологии и культурно-гуманитарных дисциплин.

Человек рассматривается не только как носитель психических функций, но и как носитель духовных смыслов и ценностей, формирующих его жизненную устойчивость. Возрастает интерес к духовно-нравственной психологии, к изучению ментальности и психологических архетипов разных культур.

Вопрос 29. Культурно-ориентированная перспектива развития психологии

Козлов В.В.: Я думаю, что культурно-ориентированная модель психологии имеет более древние корни и является показателем самой динамики цивилизации, судя по феномену «осевого времени». Думаю, будет взаимодействие и взаимопроникновение двух моделей.

Давлетова А.А.: Поворот от западноцентричной модели уже происходит. Психология становится полицентричной, признающей ценность каждой культуры.

В этой связи хотелось бы сказать несколько слов о казахстанской научной школе. Сейчас она предлагает уникальный вклад — включение этнопсихологических и духовных традиций в научный дискурс. Народные формы воспитания, институты ата-баба, шежире, бата, кумысбен емдеу, гостеприимство и коллективная поддержка формируют ментальные механизмы устойчивости и доброжелательности. Эти архетипы создают основу для экопсихологического и нравственного баланса личности, который становится центральной темой современной интегративной психологии.

30. Интегративная психология как новая модель науки

Козлов В.В.: Что касается науки психологии, она имеет интенцию к интегративности. Размерности психологической науки таковы, что объять ее на уровне субъекта нет никакой возможности в силу ее необъятности.

Уже сейчас психология стала интегративной наукой в пространстве ИИ, которое многомерно, сверх содержательно, мультипарадигмально, имеет предельную когнитивную сложность и является универсальной интеллектуальной средой, включающей и теорию, и практику и диагностику психологии.

Думаю, что тот момент, когда психология сможет стать по-настоящему интегративной наукой, никто не сможет оценить и осознать эту психологию.

Давлетова А.А.: Я считаю, что интегративная психология - это не просто направление, а новая научная парадигма, соединяющая эмпирическую точность, философскую глубину и духовно-культурное измерение. Она объединяет достижения когнитивной, гуманистической, культурно-деятельностной и телесно-ориентированной психологии. Такой подход отражает идею психологического целого, в котором ум, тело, культура и дух взаимодействуют в единой системе.

Казахстанская психологическая школа активно развивает интегративное направление, опираясь на ценности баланса, гармонии, взаимопомощи и коллективной ответственности, глубоко укоренённые в казахской традиции.

ГЛАВА 7. ГЛУБОКИЕ ВОПРОСЫ И РЕФЛЕКСИЯ

На глубокие вопросы о том, изменится ли понятие «личность» в психологии будущего, изменится ли человек и чем станет психология в будущем отвечают Клюева Надежда Владимировна и Клейберг Юрий Александрович.

Клюева Надежда Владимировна – доктор психологических наук, профессор, заведующая Кафедрой консультационной психологии Факультета психологии Ярославского Государственного Университета имени П.Г. Демидова. Член-корреспондент Международной Академии психологических наук, член Российского психологического общества, член Международной Ассоциации психологов образования (ISPA). Возглавляет Центр корпоративного обучения и консультирования

Клейберг Юрий Александрович - доктор психологических наук, доктор педагогических наук, профессор психологии, лауреат государственной премии Правительства Российской Федерации в области образования, почетный работник высшего профессионального образования РФ, основатель и президент-ректор Академии Национального образования и науки, Международной академии ювенологии, академик РАЕН, МАПН, Международной академии образования, Российской академии социального образования, Петровской академии наук и искусств, Адыгской (Черкесской) АН и др., основатель и научный руководитель известной советско-российской научной школы «Психология девиантного поведения»

Вопрос 31. Как изменится само понятие «личность» в будущем?

Клюева Н.В.: Не думаю, что понятие «личность» изменится фундаментально. Начиная с древнегреческих философов и до наших дней, представления о личности располагаются в континууме от «Человек — это социальное животное (от Аристотеля до Ф. Ницше) и «Человек — это мыслящая тростинка» (Б. Паскаль).

Личность существует во множестве измерений. Многие обусловлены принадлежностью к животному миру (например, стремление сбиваться в стаи, инстинкт самосохранения и продолжения рода, иерархия в отношениях, вожачество и стремление изгнать «другого», «чужака» из своего окружения),

Думаю, что это останется и в ближнем и далеком будущем. Многие обусловлены дарами природы - генотип (конституциональный тип, особенности нервной системы, гормональный статус и др.). предопределяет то, как мы ведем себя в повседневности. Кроме того, ушли иллюзии о рациональности человека.

Нейроэкономисты, в частности, Д. Канеман убедительно доказали, что дизайн нашего мозга определяет иррациональность человеческих действиях. И очень важный посыл: Личность умеет задать вопросы «Кто Я и зачем Я?».

Клейберг Ю.А.: Это чрезвычайно сложный вопрос. Все будет зависеть от того, какое оно, будущее, будет, чем оно содержательно наполнит человеческую жизнь, что будет доминировать в обществе будущего — национальная самобытность, духовность, сохранение духовных традиций, насколько обретая веру, духовный опыт, духовную близость, индивид обретёт чувство Родины, любовь к Отечеству (по И.А. Ильину), этим находит свое место в национально-культурном своеобразии социума, и обретает истинный смысл патриотизма как высшего акта самоопределения общества или будут

доминировать деструктивные, индивидуально-эгоистические тенденции, отчужденность от родины и циничное безразличие по отношению к ней («ubi bene, ibi patria» – «где хорошо, там и отечество»), которые будут приближать общество к «пропасти бытия» (термин М.С. Кагана), к моральной деградации общества и т.д. и т.п. – вот это меня беспокоит в большей степени, нежели материальный смысл (хотя и он немаловажен). Однако очевидно здесь одно: с динамично развивающейся глобализацией во всех сферах развития общества, будет формироваться, трансформироваться и развиваться и личность. Важно не переусердствовать и искусственно не ускорять этот процесс, но и специально не затягивать его.

Вопрос 32. Что, на Ваш взгляд, в человеке останется неизменным?

Клюева Н.В.: Я считаю, что в человеке останутся неизменными способность обнаруживать смыслы в абсолютно разных, порой невероятно сложных условиях и обстоятельствах, и умение выйти за пределы ситуации и создавать свою реальность.

Для меня идея о том, что надо адаптироваться к происходящему не является ресурсной. Другое дело - создавать реальность, которая позволяет ощущать наполненность жизни, проявить свои таланты, вовлечь в нее тех, кто для тебя значим.

Клейберг Ю.А.: Безусловно, появление оцифрованной личности, искусственно созданные интеллектуальные системы, будут развиваться и совершенствоваться и в будущем.

Этот процесс уже запущен. Опасность заключается в том, на мой взгляд, что созданные человеком виртуальные существа, в будущем будут инициировать действия, развивать свои цели и идеи, строить собственные стратегии взаимодействия с миром, а значит руководить им. А это уже

стратегическая опасность для личности и общества в целом, грозящая потери государственного суверенитета. Мне бы не хотелось верить в то, что «выйдя из зависимости грустной, / с годами мозг мыслителя искусный / мыслителя искусственно создаст» (И.В. Гёте, «Фауст», часть 2, акт 2).

Мне бы также очень не хотелось, чтобы Личность в будущем потеряла бы свое Лицо, а осталась бы творческой, активной и ответственной за своё развитие и благополучие, стремилась к совершенствованию, училась и расширяла свои горизонты, чтобы быть готовой к любым вызовам и изменениям, дружелюбной и успешной.

Вопрос 33. Является ли психология в первую очередь наукой, искусством или служением?

Клюева Н.В.: Моя специализация в психологическом консультировании задает определенную фокусировку при ответе на поставленный вопрос.

В нашем сообществе уже принято разделение, которое предполагает наличие Миссии как набора смысловых ориентиров, значимых для психологов консультантов. Среди них благополучие личности, повышение качества жизни клиента и его окружения, повышение ресурсности и осознанности клиента. И важно то, что консультирование и психотерапия уже сейчас стали особыми социо-культурными практиками и вносят огромный вклад в жизнь общества. В этом смысле Практическая психология – это служение.

Фундаментальный уровень - профессионализм. Знать и уметь - без этого нет профессионала. Знание научно обоснованных подходов, методов и технологий оказания поддержки личности, семье, понимание механизмов консультирования — это, прежде всего, сфера гуманитарного психотехнического научного знания. Надо признать, что консультационная психология только формируется как сфера научного знания. Разрабатываются

принципы и методология, исследовательские методы, которые позволяют увидеть в уникальном (частном) нечто общее. Может ли история жизни одного человека, его переживания и опыт трансформации быть интересными для науки. Для классической позитивистски ориентированной – точно нет. Для консультационной психологии, где феноменология, герменевтика, социальный конструктивизм являются основаниями понимания происходящего с человеком, именно уникальность представляет наивысший интерес.

Про искусство – это красиво и верно. В консультировании клиентов высок уровень неопределенности, в каждой ситуации формируется особое пространство диалога консультанта и клиента. Встреча с клиентом — это белый лист, на котором два Человека начинают создавать (рисовать) «здесь и теперь» это общее пространство. И консультант не может работать на «заготовках», выученных фразах, методах и методиках, взятых из учебных пособий или подсмотренных у других специалистов. Это всегда творчество, поиск, сомнения и открытия.

Клейберг Ю.А.: Открою читателю секрет: Психология была, есть и будет Наукой, Искусством и Служением одновременно.

Во-первых, психология – общепризнанная, авторитетная, востребованная наука, имеющая свою миссию, свой предмет, свою терминологию, методологию, исследовательский инструментарий, выдающихся ученых-психологов (корифеев), свою историю, наконец.

Во-вторых, поскольку психология – человековедческая наука и практическая деятельность, то ей присуще творчество, а значит, психология помогает понять и объяснить внутренний мир человека, его эмоции, мотивы, характер, поведение и др.

В-третьих, психология – практикоориентированная наука, которая использует способы, методы, технологии психологического воздействия на

личность с целью профилактики, корректировки психологических проблем и раскрытия потенциала личности (социальных групп), обучения искусству взаимодействия и общения, а также реабилитации после перенесенных психологических травм, стрессов, фобий, навязчивых состояний и многое другое.

Выдающийся советский психолог Л.С. Выготский рассматривал взаимодействие психологии и искусства как важный источник познания глубинных структур психического мира человека.

Что касается психологии как Служение, ответчу коротко: цель человеческой жизни – служение высоким нравственным идеалам общества. Мне представляется, что в идеале, любая человеческая деятельность в системе «Человек – Человек» должна быть подчинена именно Служению, профессиональному Долгу. Психолог, по своей сути, – пассионарий – человек с внутренним стремлением к активной преобразовательной деятельности на благо человечеству.

Вопрос 34. Как Вы относитесь к идее постгуманистической психологии?

Клюева Н.В.: Много лет назад мои родители привезли меня в Москву в театр (Московский художественный) на спектакль «Синяя птица». Мне было 11 лет. Ранее детское воспоминание очень повлияло на меня. Идея Счастья как возможности стала для меня очень важной.

«Человечество создано для того, чтобы быть счастливым, подобно тому, как отдельный человек создан для того, чтобы быть здоровым» (М. Метерлинк). И его же мысль: «Величие человека измеряется величию его тайн, которые его занимают или перед которыми он останавливается». Какие

бы проекты мы не выстраивали – Человек всегда есть нечто большее..., всегда тайна.

Клейберг Ю.А.: Честно сказать, мое отношение к постгуманистической науке вообще и постгуманистической психологии, в частности, – относительно спокойное. Почему относительно? Потому что, во-первых, сам по себе постгуманистический подход безвреден (хотя и большой пользы от него нет), если использовать его не фанатично, он излишне субъективен, абстрактен, а значит, – не самокритичен, так как содержит только радикальную критику гуманизма и антропоцентризма. Обратите внимание: мы говорим и пишем «постгуманизм», что означает «после гуманизма» (или «за пределами гуманизма»).

Но не это главное. Главное в том, что «запредельные» гуманисты не рассматривают человеческую ценность в качестве главного объекта научного интереса и считают, что главная проблема человечества – не в биологическом несовершенстве, а в эгоцентризме и заикленности на самом себе.

Во-вторых, если обратиться к трудам античных философов (Сократа, Аристотеля, Эпикура и других), а также к работам И. Канта, то мы увидим, что человек и его благо как раз-таки выступают в качестве высшей ценности.

Наконец, в-третьих, важный вопрос – Кто Кого постгуманизирует? Вот главная проблема, как мне представляется. На сегодняшний день, насколько мне известно, на этот вопрос ответа нет.

Вопрос 35. Какой вопрос Вы бы сами задали будущим поколениям психологов?

Клюева Н.В.: Я бы хотела задать всего три вопроса. Во что Вы верите, на что надеетесь – это первый вопрос. Если можно, второй вопрос – были ли в Вашей жизни трагические ситуации? Если да, как Вы их пережили и

осмыслили? И с Вашего разрешения, третий – что есть в Вас такого, что может быть ресурсом для другого человека

Клейберг Ю.А.: На самом деле вопросов может быть много. Однако, если бы все психологи были бы верны «Клятве российского психолога», которую они произносят при получении диплома, и если бы все психологи были чисты в своих делах и помыслах, то вопросов к ним не было вообще. У психологов, особенно молодых, есть над чем работать и есть чем заняться. Главное: «Primum non nocere!» – «Прежде всего – Не навреди!».

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Будущее психологии не существует само по себе — его создают люди, задающие вопросы. Этот сборник — не просто набор ответов, а зеркало того, как профессиональное сообщество ощущает перемены, приближающиеся из будущего. В каждом отклике слышится не только индивидуальный голос, но и пульс эпохи, в которой психология всё больше становится мостом между человеком и быстро меняющимся миром.

Из всех размышлений можно выделить главное: профессия психолога перестаёт быть лишь инструментом помощи - она становится культурным и этическим институтом. Мы движемся к психологии, в которой технология и человечность больше не противостоят друг другу, а сливаются в поиске нового понимания сознания, эмпатии и развития.

Возможно, ответы устареют быстрее, чем выйдет следующее издание. Но сами вопросы останутся актуальными. Именно они формируют научную и профессиональную рефлексию - то пространство, где психология превращается из дисциплины в живое движение мысли.

Пусть этот сборник станет приглашением - думать, сомневаться, спорить, искать. Ведь только так возможно подлинное будущее психологии: не в готовых формулах, а в бесконечном диалоге между внутренним и внешним мирами человека.